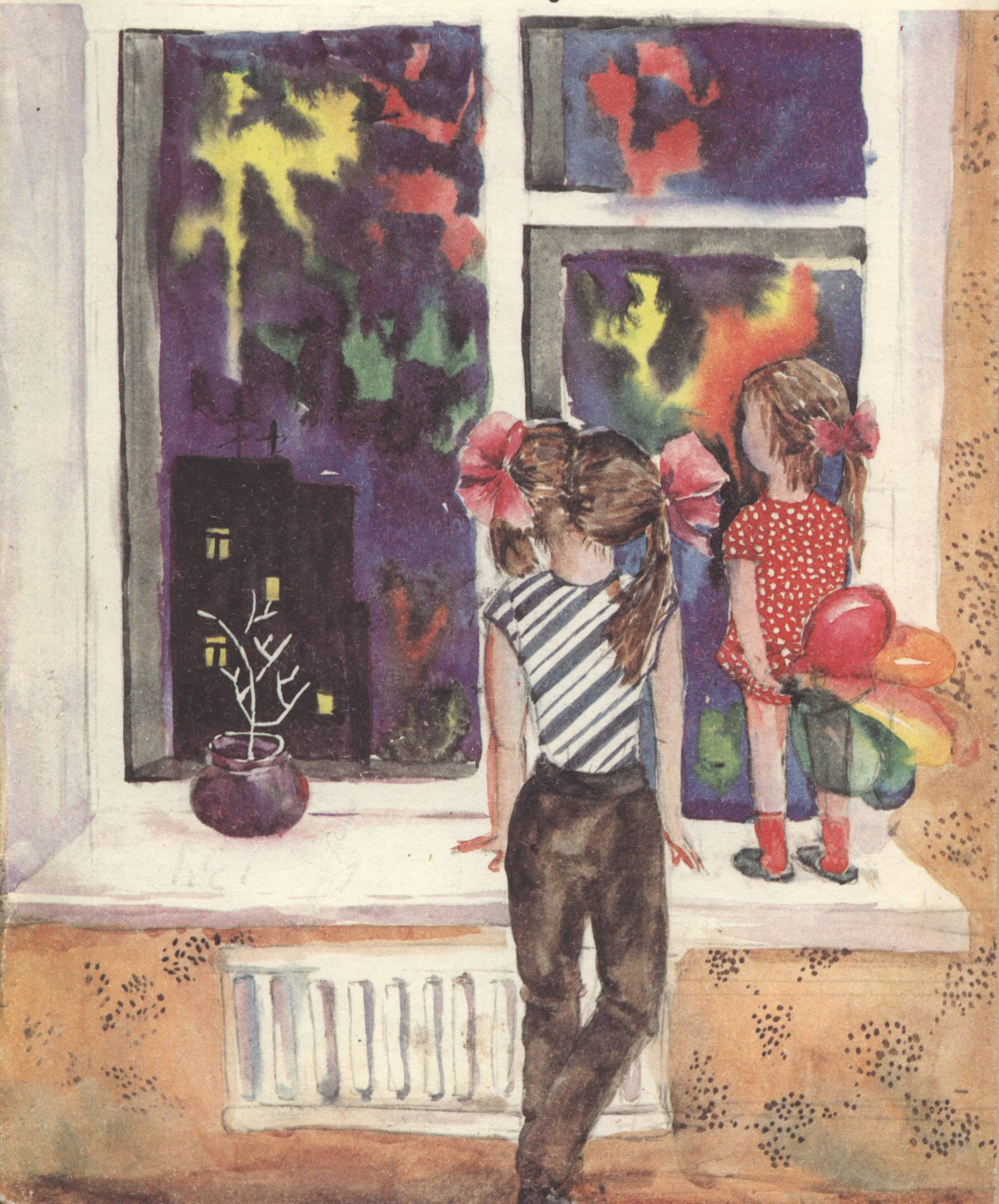
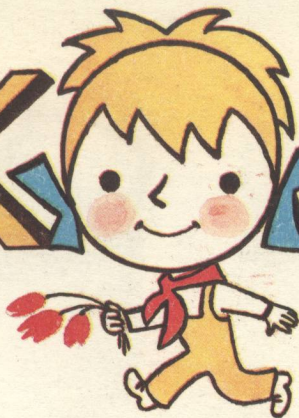

ИСКРКА

11 НОЯБРЬ
1986

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ,
МЫ - ВАШИ
ДЕТИ!

*Перед судом суда: свободу политзаключенным!
/фото из книги «Не стреляйте,
мы - ваши дети!"/*

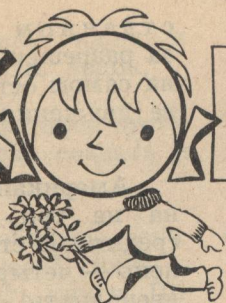

ПРОЧТИ
ЭТУ
КНИГУ

*Американские дети
голосуют за мир.
/фото из книги «Не стреляйте,
мы - ваши дети!"/*

ИСКРА

11 НОЯБРЬ
1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

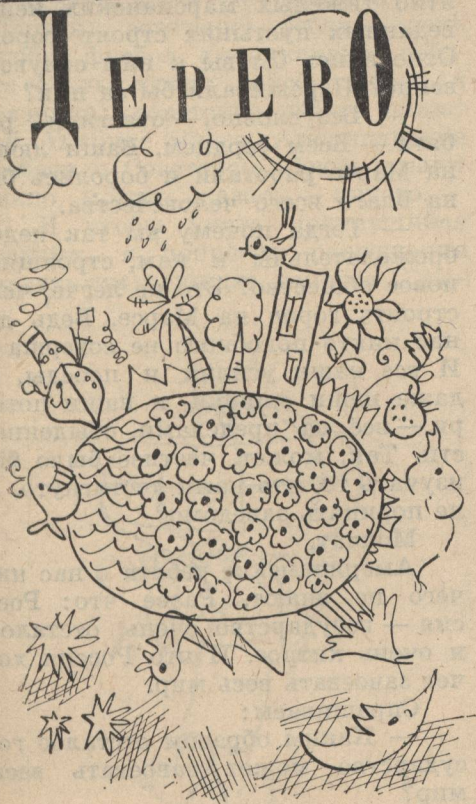
газеты
Ленинские
искры,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Несколько месяцев назад в Соединённых Штатах Америки в городе Мидлбери состоялась первая советско-американская встреча-симпозиум по воспитанию детей искусством. Участником этого симпозиума был и наш земляк, постоянный наш автор — ленинградский писатель Радий Погодин.

Мы попросили Радия Петровича поделиться своими впечатлениями о поездке.

Радий Погодин

САМОЕ ВЫСОКОЕ ДЕРЕВО

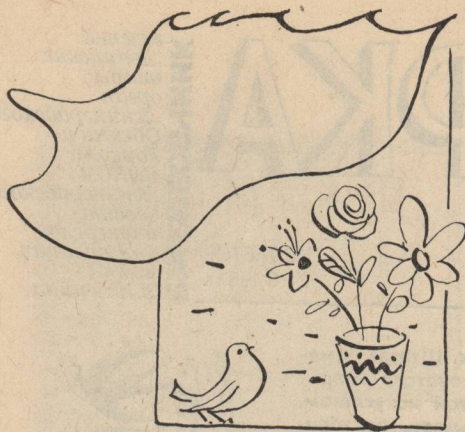

Я стоял в центре клумбы под государственным флагом Соединённых Штатов Америки. Вокруг меня — мальчики и девочки с цветами и фотоаппаратами, любопытные и возбуждённые: они впервые увидели живого русского, к тому же ещё и красного — коммуниста. Интересно им было до дрожи. Наверное, самая современная техническая конструкция, будь то ракета, лазер, подводный робот или даже пришелец с планеты Альфа Центавра, не произвели бы на них столь ошеломляющего впечатления, как живой русский. Они с трудом сдерживали себя — так им хотелось меня потрогать.

Я им говорил:

— Дорогие ребята, мне часто приходится выступать перед нашими советскими школьниками, стоя под нашим красным флагом, сейчас я стою под флагом американским, но слова у меня те же. У меня для всех ребят Земли одни слова — о мире. Мне, солдату-ветерану второй мировой войны, очень хочется, чтобы в ваших глазах не поселились страх боли, страх смерти, ужас войны.

Это были маленькие ребята, ученики сельской начальной школы. Они потом шумно и тесно окружили меня, даря мне сирень.

Они хотели сфотографировать меня, заглянуть мне в глаза.

Нужно сказать, что американские ребятишки очень раскованны и непосредственны, какие-то — очень дети. Я брал цветы, давал автографы и что-то, наверное, смешное говорил, потому что не сразу и почувствовал, как меня дёргают за полу пиджака. Я опустил глаза и увидел мальчика, скорее всего первоклассника, — он показывал мне руками, что ему очень хочется, чтобы я его обнял.

И я обнял его и прижал к себе — у меня внук такой же — и поцеловал в маковку... Глядя на это простое человеческое выражение чувств, все, и дети и взрослые, хлопали в ладоши и радовались...

Я обнимал этого славного американского мальчишку в 1986 году. А в 1945 году обнимал американских солдат и они обнимали меня. И я поставил перед собой вопрос: каков срок памяти и какова скорость забвения? Может быть, и этот мальчик через год забудет меня? А ещё через год будет стыдиться моего объятия?

Вот уже несколько тысячелетий человек, осознавший себя человеком, неустанно ищет способ обрести доверие и взаимопонимание. Человек открыл секреты атомной энергии, генетического кода, а вот секретов дружбы между людьми так и не открыл. Наверное, это очень трудная задача. И народ, наш народ, который в г о с у д а р

ственном масштабе борется за разрешение этой задачи, — стоит на самом остром прогресса, во главе движения к будущему.

Американская школа разделена на три ступени: начальная, средняя и старшая. Каждая ступень — четыре класса. Итого — двенадцать.

Когда мы встречались с учащимися старших классов, одиннадцатого и двенадцатого, в одной из старейших школ Нью-Йорка, нам задали много вопросов, причём в таком агрессивном ключе.

Мы ответили на эти вопросы с поразившей их полнотой и открытостью. А я им задал свой вопрос:

— Скажите, почему у вас такая недоброжелательность к нам? Откуда такая агрессивность?

Молчат.

Я говорю:

— Предположим, что русские высадились на Марсе и в невероятно тяжёлых марсианских неизведанных пустынях строят город. Относились бы вы к ним сочувственно? Переживали бы за них?

— Безусловно, — ответили ребята. — Всем сердцем. Ваши люди на Марсе работали и боролись бы на благо всего человечества.

— Тогда почему вы так недоброжелательны к нам, строящим новое общество? Это не легче, чем строить город на Марсе. Ведь до нас никто подобного не совершал. И все наши усилия и победы, и даже наши ошибки, и наши потери — всё за пределами обыденности. Так, может, честнее было бы изучать то, что нами достигнуто, а не порицать заведомо?

Молчат.

Американские ребята о нас ничего не знают. Разве что: Россия — государство очень отсталое и очень хитрое. И что Россия хочет завоевать весь мир.

Спрашиваем:

— Каким образом отсталое государство может завоевать весь мир?

— У вас много ракет, ядерных боеголовок и подводных лодок.

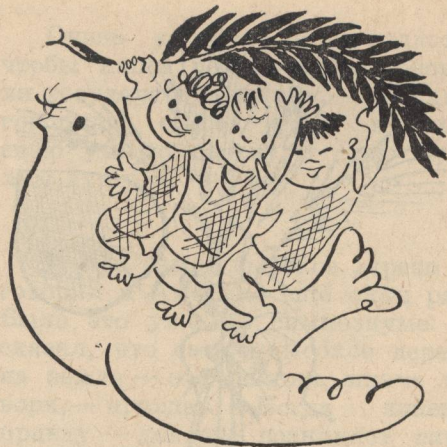
Спрашиваем:

— Каким образом такое отсталое государство смогло создать и построить всё это?

Молчат.

— Может, вам побольше почитать о Советском Союзе? Пойти в библиотеку да и взять книги. Почему это в вашем-то возрасте вы такие нелюбопытные?

Но, похоже, книжек о Советском Союзе в детских библиотеках нет.

Выступал я и у пятиклассников.

Очень общительные ребята, раскованные, очень ребячливые. Интересы наших пятиклассников и американских схожи очень, о чём я им и сказал.

— Но ведь есть какая-то разница? — спрашивают они.

И я им сказал, что разница существует, даже не одна, а две. Первая: советские ребята очень любят футбол, американские ребята очень любят бейсбол. Вторая разница: советские ребята знают об Америке много. Американские ребята о Советском Союзе знают мало, можно сказать — ничего.

И чтобы унять поднявшийся галдёж, я попросил разрешения задать им один-два вопроса. Гово-

рю: «Вы меня много спрашивали, давайте теперь я вас спрошу».

Они оживились ещё больше, изготовились отвечать, ожидая вопроса безумно каверзного, может быть, даже политического. А я спросил:

— Как называется самое высокое дерево?

Они принялись переглядываться, переговариваться: «красное», «железное», «пальма»...

Я их остановил и сказал, что самое высокое на земле дерево называется американская секвойя, что произрастает оно в Соединённых Штатах Америки. Но главное в этом вопросе состоит в том, что про секвойю знают все советские школьники, за исключением, наверное, гиблых двоечников.

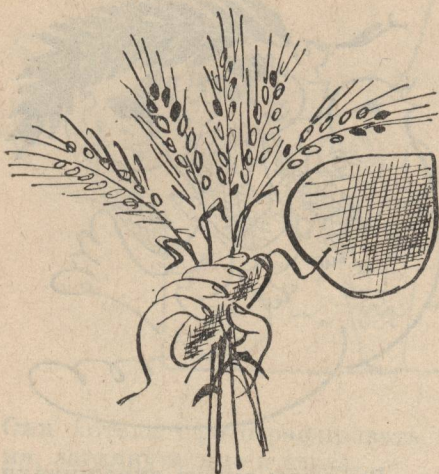
Ребята очень смутились. Конечно, они секвойю вспомнили. Но ещё больше смутились учителя.

Я сказал, что все советские ребята знают, что в Соединённых Штатах самый большой в мире водопад, самый высокий в мире небоскрёб, самая длинная в мире река Миссисипи с её притоком рекой Миссури. А потом спросил, а знают ли они, где находится и как называется самое большое в мире озеро-море?

Не знают.

— Самое большое озеро в мире находится в Советском Союзе, и называется оно Каспийское море, — сказал я.

У учителей уши стали красными, а дети очень развеселились. После чего они попросили показать им на карте Россию. Не Советский Союз, а именно Россию.

Карта тут же опустилась из-под потолка — школы в Америке, даже сельские, прекрасно оснащены. Моя спутница Нина Фёдоровна Лапшина, работник Союза советских обществ дружбы, очертила на карте указкой Россию. Показала она и расположение союзных республик.

После чего мы услышали:

— Россия такая большая?..

Для них это было откровением. Они были уверены, что к маленькой России прилеплены многочисленные громадные колонии...

Меня не раз спрашивали: а что замечательного увидел я у американцев, что бы хотел перенять у них в первую очередь?

Отвечу не задумываясь: высокий уровень оснащения лучших американских школ и сближение школьной программы с задачами общества.

Был я в самой лучшей школе Америки, в пригороде Бостона. Наверно, это действительно лучшая школа, но рассказывать о ней я не стану — это частная (платная) школа, стоимость обучения в ней составляет половину заработка университетского профес-

сора. Мне больше по вкусу общедоступная городская школа под названием «Яблоневая долина» в городе Миннеаполисе. Учатся в ней старшие ребята с девятого по двенадцатый класс.

Скажу сразу — бассейна при школе нет. Американские школьники сдают плавание в восьмом классе как предмет. И хотя в «Яблоневой долине» четыре спортивных зала разного назначения, настоящий театр с вращающейся сценой, но остановлюсь я совсем на другом — на методе.

Школа экспериментальная. 2300 учеников, аходишь — тишина, как в библиотеке. И у меня буквально ноги подкосились, когда я увидел, что в классах нет стен. Но идёшь мимо, а ребята на тебя и внимания не обращают, они заняты своим делом. И я понял — в таком открытом классе нет «камчатки», все ученики находятся в рабочей зоне. Они всё время должны быть предельно внимательны и предельно собранны. Это как на заводе — всё на виду. Привыкать к такому методу было трудно и ученикам и учителям. Но эксперимент оказался удачным. В «Яблоневой долине» самое высокое в штате качество знаний, а процент поступаемости в колледжи и университеты не уступает лучшим частным школам.

Открытость эта имеет не только очевидный учебный, но и важный воспитательный эффект. Так же, как и классы, открыт кабинет директора, на виду у учеников к следующему уроку готовятся учителя. В силу этого всего ученики в «Яблоневой долине» очень корректны. Они привыкли уважать соседа, привыкли, попросту говоря, не орать бездумно — сдерживаются. Очень хорошо и полезно, когда в людях воспитана сдержанность.

Я сказал о приближении учебного процесса к нуждам общества. Так вот, в Миннеаполисе, при встрече с одной американской семьёй, я заметил, что и сын-вось-

миклассник, и отец-предприниматель прямо-таки спят на ходу. Спросил: «В чём дело?» Отец объяснил, что помогал сыну готовить уроки. Это отняло у них почти всю ночь. Нужно было на домашнем компьютере рассчитать бюджет государства Иордания на будущий год. «Отец есть отец, — сказал он. — У вас, наверно, отцы тоже помогают сыновьям». — «Конечно, — сказал я. — Отец есть отец». Но думать-то я совсем о другом. Хорошо бы и нашим ребятам уметь рассчитывать бюджет, пусть не Иордания и не Эквадора, а своего колхоза, своего района, своей школы, чтобы самому знать, что из чего берётся, что на что расходуется.

Очень хочется мне, солдату, чтобы наши ребята реже говорили государству: «Дай», — но чаще говорили: «На!», имея в виду свою умную голову и свою смелую душу.

А про самое высокое дерево я говорил в Америке ещё один раз. Было это уже на симпозиуме. Я сказал, что самое высокое дерево на земле — это знания, иначе говоря, — правда. Когда знаешь правду — доверие возникает само по себе. Доверие к человеку, пусть он не похож на тебя и говорит на непонятном языке. А доверие — основной закон дружбы.

Рис. Л. Московского

ЗДРАВСТВУЙ, ПРАЗДНИК ОКТЯБРЯ!

К рисунку на 1-й странице обложки

Начался новый учебный год в нашей подшефной Ленинградской городской художественной школе, и «Искорка» предложила ребятам новый конкурс. Его девиз — «Здравствуй, праздник Октября!».

Ребята принесли на конкурс немало прекрасных работ.

Каким увидели они наш город в праздничные дни!

...Улицы и площади, расцвеченные красными флагами, лозунги на ярких полотнищах кумача, разноцветные воздушные шары, гирлянды цветов...

...Многолюдная демонстрация, весёлая медь духовых оркестров, нарядные дети, улыбки...

...Военный парад на Неве, свежий морской ветер, торжественность построений, строгость морской формы...

И была среди работ одна, которая привлекла нас своей необычностью. Это рисунок 14-летней Любы Скобелевой. Посмотри на него — он напечатан на обложке. В доме тишина и уют, у окна две девочки — две сестрёнки, за окном — праздничный салют. В дом пришёл праздник Октября: над городом мирное небо, а в доме покой, уют, любовь.

ПРОЧИ ЭТУ КНИГУ

Это произошло в 1954 году в городке Монтгомери — на юге США. Негритянка Роза Паркс возвращалась с работы очень усталой и отказалась уступить в автобусе место белому верзиле. Он требовал себе это место только потому, что был белым. Водитель автобуса привёл полицейского, полицейский арестовал Розу «за нарушение закона», и негритянке предстояло предстать перед судом. Чёрные граждане города Монтгомери, руководимые священником Мартином Лютером Кингом, объявили белым владельцам автобусов бойкот: они шли на работу пешком или подвозили друг друга на чём могли, ехали даже на тележках, в которые впрягали мулов, а автобусы катались по городу пустыми. 382 дня длился и окончился победой этот беспрецедентный бойкот. На глазах у всех происходило чудо: послушный, тихий негр пробуждался от социальной спячки.

Мы пересказали вам небольшой отрывок из книги, которую советуем прочитать. О Розе Паркс и Мартине Лютере Кинге написал американский журналист Джордж Г. Смит. Вообще весь сборник «Не стреляйте, мы — ваши дети!» составлен только из произведений американских писателей и американских журналистов. Сами американцы рассказывают о своей стране, о себе и, главное, о молодом поколении Америки — о подростках.

В книге охвачен тридцатилетний период истории США. Перед читателем проходят события, которые не могли не воздействовать на формирование взглядов американцев. Мы узнаём о «холодной войне», о «комиссии бесноватых» во главе с сенатором Маккарти, о том, как пугали они мир «коммунистической угрозой». В книге рассказывается о движении чёрных американцев за свои гражданские права, о «жарком лете» 1967 года, когда это движение приняло невиданный до сих пор размах, о «Чёрных пантерах». Особое место в сборнике отведено рассказам о жестокой войне, которую Соединённые

Штаты вели во Вьетнаме, о простых американцах, обманутых буржуазной пропагандой, о том, как «движение за прекращение интервенции во Вьетнаме превратилось для многих её участников в школу политического опыта». Узнаём о безработице, о разгуле полицейского насилия, о наркомании...

А что рассказывают американцы об Америке 80-х годов?

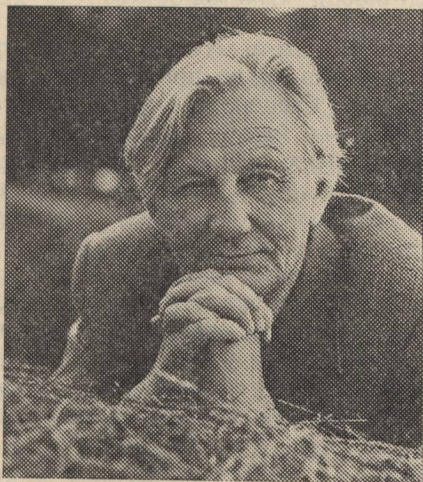
Центральный вопрос сегодняшнего дня — справедливо считают они — необходимо сохранить мир на планете. Но журналистам, учёным, писателям приходится бить тревогу: администрация Рейгана мечтает об «ограниченной ядерной войне». «Как будто есть разница между ограниченной смертью и смертью вообще. Человек бывает мёртвым или живым. Немножко или «ограниченно» мёртвым быть нельзя». Американцы приходят к выводу: «Нас — две нации, нас — две Америки».

Глашатаем молодой Америки стала американская школьница Саманта Смит. Она послала главе Советского государства письмо с вопросом: «Вы за войну или нет? Если Вы против, пожалуйста, скажите, как Вы собираетесь не допустить войну!» А получив из Советского Союза ответное письмо, Саманта заявила: «Это очень тёплое и успокаивающее письмо. Раньше русские казались мне чуть ли не жителями иной планеты. Теперь я поняла, что они — такие же люди, как мы, американцы».

В мощном движении за мир, которое охватило всю планету, мы слышим голоса юношей и девушек из Соединённых Штатов: «Не стреляйте, мы — ваши дети!»

«Трудись, душа, работай...»

К 70-летию
Михаила Александровича Дудина

Есть люди, без которых трудно себе представить современный Ленинград. И прежде всего это относится к Михаилу Александровичу Дудину.

*Всё с этим городом навек —
И песня, и душа...* —

написал Дудин о Ленинграде, в котором живёт без малого 50 лет.

Многие узнают его на улице в лицо и по голосу, хотя он не киноартист, а поэт. Михаил Александрович объясняет свою известность тем, что часто выступает по радио и телевидению. Но дело, конечно, не в этом.

Вот Дудина окликают пожилой человек: встретились гангутцы, участники героической обороны полуострова Ханко. И хоть «противно пахнут пенсией и сединой года», как сказано в стихах Дудина, солдаты и сейчас остаются в строю, занятые каждый на своём месте большой работой, нужной обществу и людям.

После Ханко Дудин был участ-

ником героической обороны Ленинграда, вместе со всеми ленинградцами изведаль тяготы блокады. «...Меня шатало от голода, от горя, от тоски», — вспоминал он спустя много лет после войны. Но во время войны и блокады старался писать так, чтобы его поэзия вселяла веру в победу и в торжество жизни на земле. В 1942 году Дудина приняли в Союз писателей прямо на фронте. Под Ленинградом.

А родился поэт 20 ноября 1916 года в маленькой, из шести дворов, деревушке Клевнево, под Ивановом. Там, среди лесов, у игровой речки Молохты, прошло его детство. Там дед Павел Иванович научил его читать по книге Мильтона «Потерянный и возвращённый рай» (на одной странице — английский текст, на другой — русский). С нежностью и любовью говорит поэт в стихах и прозе о своей *домашней родине*, где впервые пролился в душу босоногого деревенского мальчишки «синий, синий, синий свет»:

*Всё, что прошло, и всё, что
станется,*

*О чём я плакал и молчал,
Нежнее с каждым годом тянется
Туда, к началу всех начал.*

Через всю жизнь пронёс Михаил Александрович Дудин благодарную память о матери Елене Васильевне. Её уже не было на свете (поэт рано осиротел), но с ней мысленно говорил в тяжёлые дни войны, просил благословить «солдатскую положенную участь на перетёртых ляжках пронести». Мама навсегда запомнилась молодой и в лирику вошла как

воплощение добра и красоты, как «песни продолжение». Случилось так, что и к Пушкину будущего поэта привела тоже мама, хоть была неграмотной и вряд ли знала, чьи пела слова: «*Буря мглою небо кроет...*»

Перелистываю книги Михаила Дудина, вышедшие в последние годы: «Дерево для аиста», «Ключ» (с рисунками самого автора), «Полюнь»... Вам ещё предстоит прочесть эти стихи, когда станете старше, — стихи о родной земле и о братстве людей разных стран, стихи о любви и верности друзьям, тревожные стихи о будущем человечества. Многие из них написаны в Михайловском. Недаром «хранитель Лукоморья», директор Пушкинского заповедника Семён Степанович Гейченко, зашёл в своей обширной домашней библиотеке отдельный «дудинский» стеллаж. Июль в Михайловском, куда поэт уезжает, вырвавшись из круга бесконечных дел, обязанностей, забот, словно разогревает воспоминания, смягчает душу. И то, что пережито, перечувствовано, задумано

долгими зимними ленинградскими ночами, — просится на бумагу.

Иногда обстоятельства складываются так, что поэту долго не «расквитаться» с темой. Ранней весной 1977 года Дудин побывал на дрейфующих станциях «Северный полюс-22» и «23». Впечатления переполняли его, но только почти год спустя удалось остаться наедине с короткими записями, «заготовками», сделанными на льдине. В Арзни, под Ереваном, в санатории, за какие-нибудь две недели был написан цикл «Полюс». Там, на полюсе, на самом «темени» земли, поэт ещё раз остро почувствовал, какое это бесценное чудо — «Земля людей» — и как мы, все вместе, должны Землю беречь. Он написал «Заклинание с полюса», где звучит страстный призыв: «Берегите Землю!».

Собственной жизнью и работой Михаил Александрович Дудин подтверждает этот призыв. В течение многих лет он — бессменный председатель Ленинградского областного комитета защиты мира. В до-

Михаил ДУДИН

Два стихотворения

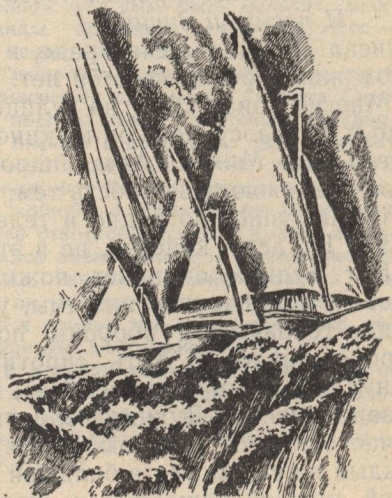
СОН БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

*Во сне по какой-то причине
Случайно привиделся мне
Белеющий парус в пучине,
Скользкий по синей волне.*

*Из бездны к седому карнизу
Причудливо гибкой воды
Взлетал он и медленно книзу
Сползал в основанье беды.*

*За парусом лёгкою прошвой
Струился отчётливый след.
И не было гибели в прошлом.
И в будущем гибели нет.*

*И не было парусу больно.
И не было больно волне.
И что-то прекрасно и вольно
Играло и пело во мне.*

ме на Фонтанке у Аничкова моста, где помещается Комитет, Дудин часто встречается с деятелями движения за мир и разоружение, приезжающими из разных уголков земного шара в нашу страну, в наш город. Дудин убеждён: сейчас главное — искать взаимопонимание, искать с людьми «родства, а не различия».

С Михаилом Александровичем интересно ходить по нашему городу. Он может рассказать о домах, с виду не очень заметных, на которых нет мемориальных досок. Вот в этом доме был во время блокады госпиталь, а вот об этом доме Вадим Шефнер написал прекрасное стихотворение «Зеркало»... Внимание поэта привлекают старые ленинградские дворы, флюгера на крышах, остатки изящных решёток, которыми украшали прежде балконы и ворота. Всё, во что человек вложил мастерство и вдохновение, дорого поэту.

Для стихов нужно уединение. Но стихи — дудинские стихи — не родились бы на свет, если бы их автор не жил так, как живёт, всегда занятый, окружённый людьми, умеющий многих выслушать, многим

помочь, ответить на письма, защитить несправедливо обиженного, прочесть чью-то рукопись и напрямую сказать мнение о ней.

Дудин встаёт рано. Ведь раньше встанешь — длиннее день. Надо сесть за машинку и закончить очерк для газеты. Надо написать предисловие — несколько напутственных слов — к книге молодого автора. Ждут и переводы, которым Дудин, как и его учителя — Николай Тихонов и Павел Антокольский, отдаёт много души. Поэт считает, что переводы сближают народы, это и всегда было важно, а в наш век — особенно.

Но главным призванием поэта по-прежнему остаётся лирика. Она выматывает душу сладкой болью. И будит рано по утрам. И зовёт в дальние дороги. «Трудись, душа, работай...» — напоминает себе поэт. Вот и нынешней весной, на пороге своего семидесятилетия, Михаил Александрович Дудин написал новый цикл стихотворений, который называется «Сегодня». Стихи полны тревог и забот о завтрашнем дне человечества.

Наталия БАНК

НАД МОРЕМ

*У скал, нависающих низко
Над морем, венчая карниз,
На грани восторга и риска
Растёт и цветёт тамариск.*

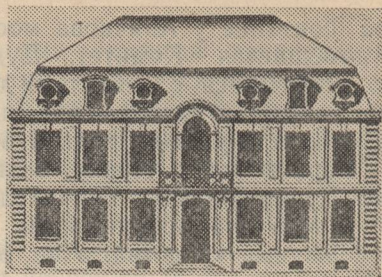
*И там, под защитною сенью
Сплетенья цветущих ветвей,
Молчать своему вдохновенью
Всю ночь не даёт соловей.*

*И в песне его молодеет
Вселенной живая душа.
И сонное море немеет.
И скалы стоят, не дыша.*

*И небо, светлея, глядится
В колышавшийся водоём.
И жизни и смерти граница
Смыкается в сердце моём.*

Рис. В. Аникина

Наталия ГЛИНКА

Ж. Б. А. Леблон. Образец фасада для зданий на набережной Невы.

Юность Петербурга

Одновременно с Зимним и Летним дворцами был заложен очень важный ансамбль — Александро-Невский монастырь. Его основали на том месте, где (как считалось в те времена) князь Александр Невский во главе новгородского войска в 1240 году разбил шведов (на самом деле это произошло несколько выше по течению Невы, там, где в неё впадает речка Ижора).

С самого начала Пётр задумал перевезти сюда из Владимира останки Александра Невского и тем самым, выражаясь современным языком, создать мемориальный комплекс, который постоянно напоминал бы о российской военной славе. Над проектом начал работать Трезини, через три года приехал и принял участие в строительстве архитектор Т. Швертфегер. Пленные шведы тем временем рубили просеку от будущего монастыря к центру города, к Адмиралтейству.

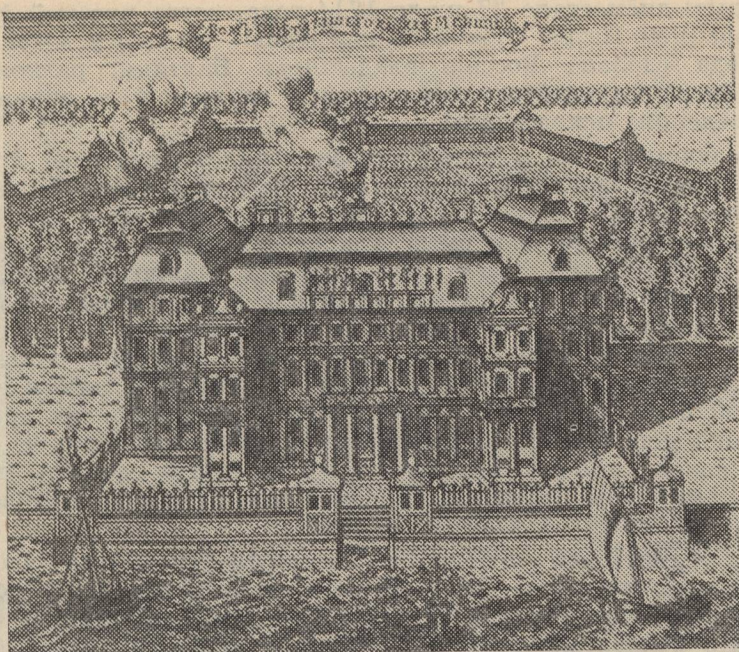
В те же годы на Васильевском острове строятся каменные палаты для Меншикова, ставшего фельдмаршалом и светлейшим князем. «Полудержавный властелин» всё делал с размахом и порой к государственной казне относился, как к собственной.

Пётр ещё в 1703 году подарил своему любимцу самый большой в дельте Невы остров, непосредственно выходящий к заливу. В 1704-м Данилыч заложил там сад и огород (одновременно с Летним садом Петра). В размерах он стеснён не был, и усадьба растянулась поперёк острова от Большой до Малой Невы.

Меншиков вызывает из Москвы работавшего там для него архитектора Джованни Марио Фонтана, который приехал в Россию одновременно с Трезини ещё в 1703 году. Но на берегах Невы Фонтана появился лишь в 1710 году, и сразу же «лицом к реке начат строением каменный дом». Есть документальные сведения, что осенью следующего года «светлейший» справил «новоселье в своих нововстроенных палатах», вероятно, ему очень не терпелось устроить праздник, потому что к тому времени готов был только нижний этаж на подвалах. Ещё много лет продолжалось строительство этого самого большого, самого высокого, самого пышного дворца в Петербурге первой четверти века.

Современники считали, что дворец производил впечатление выстроенного на «европейский манер». Здание в три с половиною этажа (вместе с цокольным). Каждый этаж по фасаду обработан пилястрами. В центре — высокое крыльцо с колонным портиком, по сторонам — резко выдвинутые вперёд башнеобразные выступы —

Продолжение. Начало в «Искорке» № 10.

Меншиковский дворец. Гравюра А. Зубова. 1717 г.

ризалиты, с фигурными завершениями под княжескими коронами, высокая кровля с переломом, крытая медными листами,— всё было непривычно для здешних мест, всё говорило о влиянии господствовавшего в Западной Европе стиля барокко. Большой парадный вестибюль со сводами и колоннами, со скульптурами в нишах, как в итальянских палаццо, проходил дом насквозь — от главного фасада до дворового. Правда, итальянские дворцы отделывались натуральным камнем, а здесь была роспись «на вид мрамора»: некогда было везти его из-за моря, а в России тогда своего не добывали. Часть комнат была облицована голландскими изразцами — синий рисунок на белом фоне,— и не только стены, но и потолки. В верхнем этаже находился «Ореховый кабинет» — стены его покрыли натуральным деревом с красиво подобранным рисунком. В этой комнате любил бывать царь. Из её окон открывался широкий вид на Неву, на новое, уже не деревянное, а мазанковое трёхэтажное Адмиралтейство. В этом дворце Пётр официально принимал иностранных послов и здесь же отпраздновал собственную свадьбу.

Город продолжал расти, правда, не так быстро, как бы царю хотелось. Желающих добровольно переселиться сюда почти не находилось. Правительство стало действовать силой. Составляли списки дворян, купцов, даже мастеровых, которых обязывали строить дома в Петербурге, переселяли на «вечное житьё». Ослушникам грозили жестокими карами. Вскоре оказалось, что и столицу переводят из Москвы сюда, на самую окраину, в место «гиблое», болотистое, «не по-русски названное». В 1712 году в Петербург переехали не только царская семья и двор, но и главные государственные учреждения, такие, как Сенат, Синод, разные коллегии, ведавшие военными, хозяйственными, иностранными и прочими делами. С учреждениями приехали и служащие с «чадами и домочадцами». Здесь же стали селиться иностранные послы со своим окружением. Население понемногу увеличивалось.

Важным днём стало 27 июля 1714 года, когда русский флот под командованием Петра «привёл в конфузию» шведов у мыса Гангут. Эта победа сделала Россию владычицей Балтики, равноправным членом среди крупнейших европейских держав и в значительной мере определила исход войны.

Пётр понимал это и хотел устроить для победителей праздник. Он поручил Меншикову установить на Троицкой площади «хотя малые какие триумфальные ворота из дерев и прочего». Но даже у губернатора возможности были ограничены «за оскудением мастеровых». Мы не знаем, что соорудил он на Троицкой площади, но приказал, чтобы все улицы на Адмиралтейской стороне «были вычищены, и кто какие имеет картины или шпалеры, выставляли б на улицу перед своими домами и прочие украшения чинили». Но главное торжество губернатор устроил в своём доме, около которого над водой была построена «великолепная триумфальная арка, драпированная дорогами коврами». Правда, любовались ею не столько русские воины, сколько взятые в плен шведские офицеры во главе с контр-адмиралом Эреншильдом, которых Пётр привёз с собой на праздник.

После Гангутской победы в Петербурге началась настоящая «строительная горячка». Об этой поре писал Пушкин: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль — при стуке топора и громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоёванной Невы».

Из Западной Европы ехали сюда мастера разных специальностей, в том числе живописцы, гравёры, скульпторы и архитекторы. Пётр их всячески поощрял, иностранцам платили в десять раз больше, чем русским, но обязательным пунктом в договорах с приезжающими было обучение русских учеников «художествам и ремёслам, которые сам знает». Так появились и свои национальные мастера. Сначала учеником, а потом помощником Трезини был Михаил Земцов, много лет бок о бок работавший со своим учителем. Был и другой путь: молодых людей посылали учиться за границу. В их числе были Пётр Еропкин и Иван Коробов, которые позднее много сделают для придания столице «строного, стройного вида». А пока особым правительственным указом по всей стране на несколько лет запретили возводить каменные постройки, и каменщиков и строительные материалы велено было доставлять на берега Невы.

В Крепости по проекту Трезини начали строить новый каменный Петропавловский собор с необыкновенно высокой колокольной. С ней-то особенно торопил царь, представляя, как изменится весь окружающий пейзаж, когда золочёный шпиль, словно гигантский сверкающий меч, вонзится в небо. Шпиль как архитектурная форма пришёл из Западной Европы, только там никогда их не золотили, но к позолоте привыкли в России — золотили купола древних российских соборов, — и в Петербурге две традиции совместились удачно.

По настоянию царя, застройка северной столицы строго регламентировалась. Понятно, что в один год не застроишь город сплошь каменными зданиями, поэтому как временную меру рекомендовали деревянные и более пожароустойчивые мазанковые дома расписывать под кирпич, как это было сделано с первым домиком Петра.

В канцелярии городских дел целый штат чертёжников под руководством неизменного Трезини работал над изготовлением «об-

А. Зубов. «Панорама Петербурга. 1716 год» (фрагмент).

разцовых», или, как мы теперь говорим, «типовых» проектов для застройщиков. Вышел правительственный указ, в котором сказано: «При Санкт-Питербурхе на Городском и Адмиралтейском островах, также и везде по Большой Неве и большим протокам деревянного строения не строить, а строить мазанки. А кроме двух вышеописанных островов и набережных домов строить и деревянные, а каким манером дома строить, брать чертежи от архитектора Трезина... также по всем улицам застраивать строением, а не заборами и конюшнями». Последней фразе придавалось особое значение, потому что русские люди, привыкшие селиться вольно, предпочитали жилой дом ставить в глубине участка или усадьбы, а по краям — хозяйственные постройки. А тут предлагалось фасады домов выводить на «красную линию» и улицы делать по возможности прямыми.

Проекты жилых домов составлялись с учётом «персональности и пожиточности» застройщика. «Для подлых», то есть для беднейших слоёв населения, одноэтажные домики с тремя-четырьмя окнами на улицу состояли, как правило, из двух комнат, сеней и кухни. Дом «для зажиточных», тоже одноэтажный, имел по фасаду пятнадцать осей: четырнадцать окон и входная дверь посередине. Наконец, «для именитых» полагался двухэтажный на подвалах каменный дом, кровля высокая «с переломом». Особенно нарядно должны были выглядеть дома, стоявшие на набережных.

Пётр считал, что главными магистралями города должна быть Нева с её притоками и рукавами. Основным средством сообщения царь желал видеть суда всех видов и размеров, как вёсельные, так и парусные. И чтобы не мешать им свободно передвигаться во все стороны, Пётр не разрешал строить мосты через Неву. Отсюда происходили многие неудобства, особенно в непогоду весной и осенью. Но царь был в этом вопросе неумолим. А чтобы обеспечить жителей столицы подходящими транспортными средствами, вскоре после Гангутской победы напротив Летнего сада на берегу Фонтанки была соз-

дана Партикулярная верфь, где строили небольшие гребные и парусные суда. Был издан специальный указ, в котором было напечатано: «Дабы при Санкт-Петербурхе и в окрестностях оного на морских и речных водах во время бываемых великих ветров и штурмов мог всякий ездить без страху, к тому же оные суда при сём новом приморском месте были деланы по образцу европейскому, его величество повелел довольно таких судов наделать и всем знатным господам безденежно раздавать... дабы на оных судах могли беспрестанно всюду ездить, а для лучшего обучения определил ездить здешним жителям в воскресные дни на оных судах на Неве для гуляния».

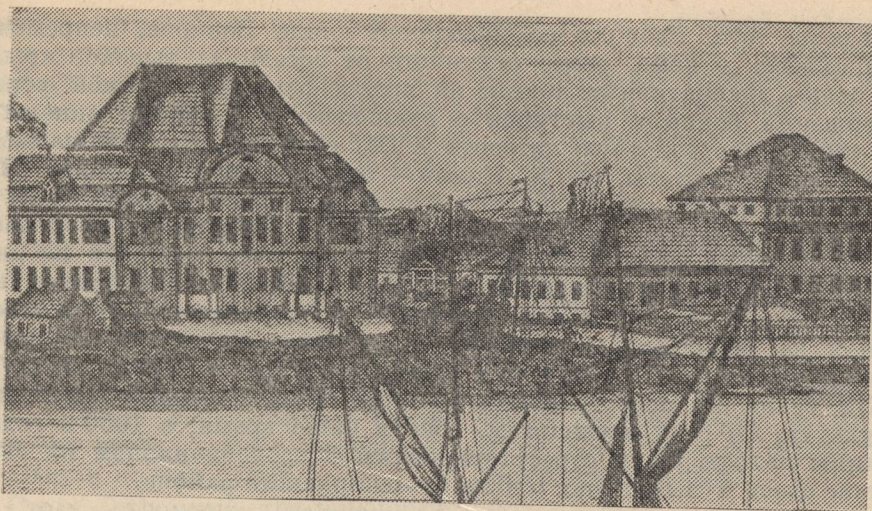
Такое «гуляние» изобразил гравёр А. Зубов на переднем плане «Панорамы Петербурга 1716 года».

Лишь после смерти Петра Меншиков прикажет создать первый наплавной мост от своего дворца к Исаакиевской церкви на Адмиралтейской стороне.

Когда осенью 1715 года не стало Людовика XIV, Пётр написал в Париж своему резиденту Конону Зотову: «Понеже король французский умер, а наследник зело молод, то, чаю, многие мастеровые люди будут искать фортуны в иных государствах, для чего наведывайся о таких и пиши, дабы потребных не пропустить». И в том же году в Париже был подписан договор на три года со скульптором и архитектором графом Бартоломео Карло Растрелли. Он брал на себя обязательство приехать в Петербург со своим пятнадцатилетним сыном Франческо и учеником и работать там в самых разных художествах, а именно: «в рисовании чертежей и строении палат и садов, в делании фонтанов, в резьбе всяких фигур из камня и выливании их из металлов, в деле портретов из воску и гипсу, которые будут похожи на живых», а наряду с этим он брался изготавливать декорации и машины «для театров в опере и комедиях». Из этого перечня видно, что в 1716 году к нам приехал мастер на все руки.

В том же, 1716, году на невские берега тоже из Парижа прибыл архитектор Жан Батист Александр Леблон. Пётр был о нём очень высокого мнения: «...Сей мастер из лучших и прямого диковинного есть». Приезд Леблona совпал со страстным желанием царя приблизить центр столицы к морю, перенести его с Городского на Васильевский остров. Без всяких колебаний он отобрал остров, подаренный «светлейшему», оставив неприкосновенной его огороженную усадьбу. Чтобы осушить остров, вечно затопляемый при любом западном и юго-западном ветре, царь повелел прорезать его сетью каналов, идущих с севера на юг и с запада на восток. На память об этих работах осталось нынешнее расположение проспектов и линий.

Пётр поручил Леблону составить генеральный план города. Приезжий архитектор по желанию царя поместил центр города на Васильевском острове. На одной из площадей он предлагал построить царский дворец, правительственные учреждения, на другой — Академию искусств и ремёсел. Рынки, церкви, ярмарочные площади он распределил по всей запроектированной территории города. Были предусмотрены освещение улиц и устройство тротуаров, а также равномерная застройка кварталов одинаковыми по высоте домами. Но архитектор явно игнорировал уже существующую застройку. На его плане город включает в себя большую часть Васильевского острова и сравнительно небольшие части Адмиралтейского и Городского островов. Весь Петербург был ограничен крепостной стеной, образующей правильную форму эллипса. За городскую черту архитектор вынес госпитали, кладбища, жилища «подлого народа»; но при

А. Зубов. «Панорама Петербурга. 1716 год» (фрагмент).

этом оказалось, что ни Троицкая площадь, ни Летний сад также не вошли в черту города. Белым пятном показана на плане ставшая «ненужной» Петропавловская крепость. Но самое главное, городская стена отрезала Васильевский остров, а тем самым и город, от моря вообще. К чести Петра следует сказать, что он этого плана не утвердил, хотя уважения к Леблону не только не потерял, но сделал его генерал-архитектором в ущерб Трезини, который более десяти лет практически был главным архитектором города.

Но взбунтовался, как ни странно, не Трезини, а Растрелли; честолюбивый граф отказался подчиняться кому-либо, кроме царя, тем более что Леблон, обследуя работы графа в Стрельне, отозвался о них вовсе уничижительно, что и изложил в записке, адресованной генерал-губернатору Меншикову: «...не надо иметь столь много архитекторов. Король французский много знатных строений строит, однако ж имеет одного архитектора». Легко можно представить, что остальным архитекторам такая позиция Леблона понравиться не могла. Неизвестно, как развернулась бы его деятельность, если бы он не умер в 1719 году от оспы.

А в целом город рос под руководством и при непосредственном участии Трезини. Петербург — единственный в те времена город, который развивался по заранее определённом плану. Жилое строительство шло в основном на левом берегу Невы, в непосредственной близости от Зимнего дворца, который не раз переделывали, стремясь придать ему вид царской резиденции. Набережная Невы от Адмиралтейства до Летнего сада была застроена каменными домами почти вплотную.

В 1710-х годах новый жилой район возник за Фонтанкой. Улицы шли параллельно Неве в сторону Смоленского двора, где гнали смолу для нужд Адмиралтейства. Дома здесь принадлежали членам царской семьи: любимой сестре царя — Наталии Алексеевне, царевичу Алексею Петровичу, вдовствующим царицам Марфе Матвеевне и Прасковье Фёдоровне. Были тут дома и представителей старой родовой знати: Гагариных, Голицыных. А поближе к Летнему двору построил дом его директор Яков Брюс — начальник артиллерийского ведомства, один из «птенцов гнезда Петрова».

Как выглядели тогдашние дома, нам показывает панорама Петербурга, гравированная А. Зубовым в 1716 году.

Кроме того, проходя по нынешней улице Воинова, непременно остановитесь у дома, резко отличного от соседних: высокое крыльцо, белые декоративные детали на ярком фоне, изощрённой формы завершения боковых выступов с овальными слуховыми окнами — всё уводит нас в первую четверть XVIII столетия. Это так называемые Кикины палаты. А. В. Кикин — один из сподвижников Петра — стал строить неподалёку от Смоляного двора двухэтажный на подвалах каменный дом, который мало чем отличался от первого Зимнего дворца царя. Но в 1718 году Кикин был обвинён по делу царевича Алексея и обезглавлен. Его имущество конфисковали, а в наскоро достроенных палатах временно, до окончания специального здания на Васильевском острове, разместили коллекцию Кунсткамеры. Позднее дом Кикина был отдан Военному ведомству. В XVIII и XIX веках его перестраивали в соответствии с новыми вкусами, в результате он стал неузнаваем. Уже в наше время, в 1950-х годах, Кикины палаты были отреставрированы в первоначальном их виде. Сейчас здесь музыкальная школа Смольнинского района.

(Окончание следует)

Исполнилось 275 лет со дня рождения Степана Петровича Крашенинникова — выдающегося русского географа, естествоиспытателя, историка, сподвижника и друга Михаила Васильевича Ломоносова.

Сын солдата петровской гвардии, Степан Крашенинников благодаря природному таланту, самоотверженному и неустанному труду поднялся до вершин научного авторитета и международного признания. Он стал академиком, первым руководителем первого русского университета (Петербургского университета Академии наук). Его знаменитый труд «Описание земли Камчатки» — итог четырёхлетнего изучения далёкого полуострова — сразу же, ещё в пятидесятых годах XVIII века, был переведён на несколько европейских языков.

В Ленинградском отделении издательства «Детская литература» скоро выйдет в свет историческая повесть, посвящённая С. П. Крашенинникову, «Человек, который...». Автор повести — Илья Миксон. Сегодня мы начинаем печатать первую главу этой повести — «Фортуна». Глава даётся в сокращённом, журнальном варианте.

Октября 4 дня 1737 года в два часа пополудни от пристани Охотского порта отчалил корабль. Ударил у казачьей караульной сторожки сигнальная пушка. Вылетел из бронзового жерла с огнём и

дымом многослойный пыж, распался на чёрные ошмётки и бескрыло осыпался в реку. Гром выстрела прокатился над избами и амбарами, что стояли вразброс в плоской низине, тарарахнуло о скальную твердь островерхих сопок за дальним извивом реки, размножился эхом. И тотчас вспорхнули над толпой провожающих шапки, колпаки, малахай, а офицеры отдали честь, поднеся к треугольным шляпам два сомкнутых пальца.

— Ура! Счастливого плавания! В добрый путь! Привет Камчатке!

А с борта отплывающего судна кричали своё, махали, прощально стрельнули из трёх ружей.

Столь скромный традиционный салют объяснялся не только бережением пороха, но и обыкновенностью самого отхода корабля. Да и чрезмерно было именовать кораблём одномачтовый бот «Фортуна». Подобные судёнышки не удостаивались и таких проводов. Однако «Фортуна» была своего рода знаменитостью. Десять лет назад, здесь, в Охотске, сработали её корабельных дел мастера — поморы. Их переселили сюда из Архангельска по указу царя Петра строить флот для нужд Первой камчатской экспедиции. «Фортуна» и стала первым судном, сошедшим со стапелей новой Охотской верфи, первым, хотя и вспомогательным, кораблём экспедиции Беринга.

Капитан-командор Витус Беринг тоже был на причале провожающим. Он стоял в окружении своих помощников. Все — в чёрных треуголках и чёрных суконных плащах-накидках. Запахнутый в епанчу Беринг выглядел ещё более тучным и грузным, чем в действительности. В стороне, обособленно от Беринга, провожал судно командир Охотского порта Скорняков-Писарев с многочисленной свитой.

«Фортуна» отрывалась от бревенчатого причала медленно, словно противясь разлуке с родным портом, где впервые ощутила быструю прохладу воды и нетерпеливую дрожь парусов. Тяжело нагруженную, её сперва влекло течение, но закрипели деревянные блоки, поползли вверх по

мачте реи с парусиной, паруса вспузырились, наполнились ветром, и вот уже «Фортуна» набрала ход и резво побежала по реке Охоте к морю.

Толпа на берегу поредела.

Прежде других удалился Скорняков-Писарев.

Беринг отпустил помощников, а сам уходить не торопился. Вскоре на опустевшей пристани остались только сбившиеся кучкой жёны и дети моряков да он, капитан-командор, величественный и сиротливый в своём одиночестве. Молчаливый, задумчивый, смотрел Беринг вослед «Фортуне», пока серые её паруса не слились с серым небом.

Прохладный ветер выдул с открытой палубы «Фортуны» всех лишних, не занятых делом. У дощатого фальшборта остался стоять только молодой человек выше среднего роста, в бараньем полушубке и якутском малахае, в поношенных, но ещё крепких яловых сапогах. Это был студент императорской Академии наук Степан Петрович Крашенинников. Он неотрывно глядел на отдаляющийся берег и тучную, казалось, беззащитную фигуру капитан-командора. Затем он стал жадно и внимательно наблюдать за работой моряков, пристально вглядываясь в низкие речные берега. Он впервые отправился в море, всё было ему внове и чрезвычайно интересно. Настроение молодого человека было приподнятым, он с воодушевлением впитывал новые для себя впечатления.

Штурман Мекешев время от времени бросал взгляд на одержимого пассажира и думал про себя: «Мне бы твою вольность, тотчас завалился бы спать».

До выхода в открытое море об отдыхе и мечтать было нельзя. Из реки Охоты выбраться можно лишь при большой воде, в прилив, да и то с немалым трудом и осторожностью. Устье реки перегорожено наносным валом песка и гальки; могучий прибой, бára, на отмели беснуется, грохочет убийственными волнами. Командиру судна и кормищику, при всей опытности и доскональном

знании местных особенностей плавания, надо быть начеку, смотреть в оба. Штурман третий год водил «Фортуна» из Охотска на Камчатку и обратно, судьба покамест миловала его от неприятностей, но каждый рейс таил в себе серьёзный риск и угрозы.

«Фортуна» шла под двумя прямыми парусами, Мекешев придерживал судно, по интуиции и опыту определял скорость, чтоб подойти к устью в момент наибольшего подъёма воды — ни раньше, ни позже. Штурман пребывал не в лучшем настроении. Вернувшись с Камчатки, сразу получил распоряжение опять идти в рейс. Пришлось доказывать, убеждать, что сие невозможно: слава богу, что до Охотска добрались, всю дорогу освобождали трюм от забортной воды, не чаяли в живых остаться. Износилась «Фортуна», вконец состарилась. Командир порта и слушать не стал, накричал грозно: «Перечить вздумал?! У меня нет других кораблей, а навигация на исходе!» Спасибо капитан-командору Берингу, самолично произвёл осмотр «Фортуны», велел ремонт произвести. Вытащили прохудившийся бот на сушу, подлатали наскоро, подшпаклевали мхом, обмазали, не скупясь, горячей смолой. И — в путь! Мекешев не то что с семьёй не побыл, но и не отоспался толком. Вся стоянка в работе, хлопотах, заботах, увещеваниях, ругани...

И загрузили судно — больше не

куда. В трюме — под завязку и на верхней палубе — гора. Мешки с горохом, мукой, овсяными и яшными крупками, сухари, бочки с солёной говядиной, маслом коровьим, сумы с овощными и хлебными семенами, каменная соль, пресная вода для команды и пассажиров. Кроме съестных припасов — оружие, порох, инструменты, медные котлы для выпарки соли, прочая казённая кладь. Товары государевым людям, подарочные вещи для поощрения князьков-тойонов, имущество экспедиции. Да ещё купеческое добро, личный багаж пассажиров. Самим людям и головы преклонить негде, по два на одно место...

Перед устьем берега сузились, справа и слева виднелись юрты тунгусов и рыбаков-россиян. Штурман, не оборачиваясь, негромко повелел: — Лево не ходить.

Рыжебородый кормщик то ли не расслышал, то ли отвлёкся, тоскливо оглянувшись на Охотск, — жилые и служебные строения давно скрылись, высматривался лишь крест и острый конус церковного шатра.

Не услышав повтора команды, Мекешев круто развернулся назад, зыркнул из-под косых нависающих век:

— Лево не ходить!

— Лево не ходить! — поспешно отрепетовал кормщик и навалился на рукоятку правила. Но без резкости, чтоб не занесло в другую сторону.

Нос «Фортуны» с длинным заострённым бушпритом плавно развернулся.

— Так держать.

— Так держать! — эхом отозвался кормщик и целиком отдался своему строгому делу.

«Фортуна» шла по невидимой линии главного фарватера. Впереди нарастал прибойный грохот бары. Уже наблюдалась белая изменчивая полоса под низким горизонтом, сдавленным с боков охряного цвета берегами. Но чем ближе подходили к границе устья, тем делалось тише и белые лохмы бары теряли высоту. Значит, прилив моря набрал силу.

— Всем по местам! — раскатился штурманский бас.

Матросы были готовы к этой команде, разобрались, стояли где кому положено для постановки дополнительных парусов.

— Топселя, кливеры ставить!

Распустив парусиновые крылья, прямые на мачте, косой топсель за ней, к корме, и два треугольных кливера от бушприта до верхушки мачты, — «Фортуна» вынеслась на морское раздолье.

Бот резво бежал на юго-восток.

Редкие облака допускали просияние солнца, и вода была густой синевы с фиолетовым отливом, как оружейное масло. От дубового форштевня на штилевой глади моря рас-

ходились белоснежные усы. Туто закрученные у носа, они расширялись, распушивались за кормой, исчезали в отдалении.

Верхняя палуба заполнилась людьми. Вышли вдохнуть свежий воздух, полюбоваться морской картиной. Не бывшие прежде в плавании наслушались в Охотске ужасных историй, приготовились терпеть муки и страхи, но стихия явила щедрое гостеприимство. Как тут не радоваться!

В тесной поварке в носовом отсеке вскипятили чай, поужинали с полным удовольствием. С заходом солнца опять легли спать, намыкались, натрудились перед выходом в море. На опустевшей палубе бессменно, словно караульный солдат, опять остался Степан Крашенинников. Сейчас рядом с ним стоял у борта и его помощник, писчик-копиист Осип Аргунов.

— А что, Осип, — сказал Крашенинников, — не «Святой Гавриил», не какое иное судно, а «Фортуна» везёт нас к Камчатской земле. Латинское слово «фортуна» означает — «судьба». Сама судьба, само провидение несёт нас к прекрасному и неизведанному, подобно тому, как несла Колумба, первооткрывателя Америки. Нет, в отличие от него, мы точно знаем, куда плывём!

Аргунов согласно кивнул, однако перекрестился и невнятно пробормотал: «Не оставь, господи, милостию своею».

— Какая от того польза, когда знают, что делается в Америке и Индии, а о своём отечестве имеют самое малое понятие? Даже о том месте, где живут, почти ничего не знают. Так ведь, Осип?

— Истинно так, господин студент, — кротко ответил Аргунов.

— Не величай меня полным титулом, не по службе общаемся, — дружески сказал Крашенинников, оборотившись к Аргунову.

Писчика знобило. Худая одежка — заношенный зипун, шапчонка-выворотка, разбитые катанки — плохо оберегала от холода. А из верховья моря, Пенжинской губы, несло зимним морозцем. Там, в северных широтах, у коряжистых берегов уже настаивались льды.

— Ступай вниз, погрейся, — велел Крашенинников.

Аргунов благодарно кивнул, но не спешил уходить.

— Ступай-ступай. Я ещё постою, звёзды смотреть хочу.

Узкая девичья ладошка месяца целилась ловить в чёрном небе алмазы. Бессчётные самоцветы посверкивали в недоступной выси, где ярче, где слабее, каждый сам по себе или вкупе с другими, играли в широком Млечном Пути.

Звёзды притягивали, околдовывали Степана Крашенинникова с малолетства. Тринадцатилетним отдала его в Заиконоспасское монастырское училище, Славяно-греко-латинскую академию, или, как проще и короче её называли, — Спасскую школу. Навсегда оторвали от родительского дома. Для семьи это было великим благом и гордой надеждой: хоть один из них станет учёным человеком, выйдет в Люди. Спасибо царю Петру Алексеевичу за его попечение о науках и просвещении России, за милость к отставным солдатам и их сыновьям!

Стёпка был слишком мал, чтобы в полную меру оценить выпавшее на его долю счастье, тосковал по отчуждённому. Тогда-то и прирастался глядеть по ночам в небо через узкое оконце монашеской кельи. Звёзды ус-

покаивали, манили, завораживали. Особо будил фантазию Млечный Путь. То чудилось, будто это небесная река течёт, парит и дымится, и под толщей голубизны проблёскивают на дне затонувшие звёздочки. То казалось: не река это, а людское шествие, переселение небожителей. Идут они по глубокому распадку меж тёмными горами, каждый со своим огнём. Кто с факелом, кто со свечой или плошкой, с лучиной, и клубится над ними белесо-голубая пыль. Движение это вечно, безостановочно, в дневное время скрыто от простых смертных туманами, облаками или спящим солнцем.

Однажды ночью Стёпка сидел по обыкновению у окна, поджав под себя босые ноги. Вдруг он увидел падающую звезду. Множество их сгорает, не долетев до земли, обращается в небесную пыль.

Но эта!..

Звезда упала в монастырский двор. Куда точно — из окна не определить.

Стёпка выбежал на волю.

Вокруг лежала глухая тьма, ни света, ни отблеска. Но звезда была где-то здесь, должна быть здесь! Где же?

Холодная земля обжигала голые ступни, сердце гулко стучало. Стёпка кружил по двору, пока не вспомнил о колоде. Может, туда угодила? Колодец глубокий-преглубокий: уронишь нечаянно камешек, всплеска не услышать.

Трепеща от страха и стыни, он подошёл к срубу, лёг грудью на осклизлую доску и заглянул в бездну: далеко-далеко внизу на маслянистом блюде тихо посверкивала звёздочка, негасимый осколок, небесный уголёк. Горит! Не потухла!

Стёпка потрясённо ахнул, самоабвенное чувство первооткрывательства переполнило всё его существо. С трудом дождался утра, кинулся к учителю-монаху, с восторгом рассказывал о своём открытии. «Ты где это вычитал?» — подозрительно спросил монах. «Не читал, сам видел!» — горячо подтвердил Стёпка свою историю. Монах осенил его и себя крестом: «Померещилось». «Нет-нет!

Она там, в колоде. Горит, светит!» Тогда монах схватил его ухо и стал больно, до слёз, мять и вертеть, приговаривая: «Не подглядывай за господом нашим, не вникай в тайны всевышнего. И других не смущай ересью».

Не сумел Стёпка удержать в себе опасную тайну, поделился с однокашником Лёшей Горлановым, и они в сумерки вместе подкрались к монастырскому колодезю. Там, на месте дерзкого преступления, их и захватил учитель-монах. Потащил в экзекуторскую и собственноручно высек. Ведёрки с замоченными берёзовыми прутьями всегда стояли наготове.

«Не подглядывайте за господом нашим, не вникайте в тайные тайны!» А Стёпке ещё отдельно: «Токмо примерного доселе послушания и стараний твоих ради не смертным грехом полагаю твою дерзость. В противном разе изгнал бы тебя из академии. Ведаешь, как сие свершается...»

Мальчики знали как. Ослушников и святотатцев постарше отдавали в солдаты, кто возрастом не вышел — сполна получал батогах. Полуживых, а то и бездыханных выносили за монастырские ворота или увозили, накрытых рогожей, на телегах и дровнях.

Они не посмели нарушить запрет. Лёша и пострадал-то ни за что, даже ничего не успел разглядеть на дне колодезю. А для Степана чудесное видение осталось неизгладимым на всю

жизнь. Он понимал, конечно, что то была не живая звезда, лишь её отражение, но та звезда зажгла в нём огонь первооткрывательской страсти, стала путеводной.

Осенью 1732 года из Правительственного сената пришло требование отправить из Москвы во вновь образованную императорскую Академию наук двенадцать лучших учеников выпускных классов. Послали в Санкт-Петербург и Крашенинникова с Горлановым. В ту пору шло им по двадцать второму году.

На экзаменах, учинённых профессором Зигфридом Байером, отсеялось более половины. Степана Крашенинникова отметили особо, назвали в сенатском реестре не только по фамилии, но и по имени. Отвергнутых распределили в подьячие и к ремесленным делам, а взятых учениками в академию включили в научную свиту Второй камчатской экспедиции капитан-командора Витуса Беринга.

Главная цель второй экспедиции была, в сущности, та же, что и первой. В собственноручно начертанной Петром I за три недели до кончины инструкции повелевалось построить на Камчатке или в другом месте один-два бота с палубами и плыть на них к норду, искать, где северо-восточная окраинная земля Российской державы «сошлась с Америкой».

Споры о том, соединяется ли Чукотский мыс с Америкой, не утихали и после плаваний Беринга на «Свя-

том Гаврииле». Потому и решено было снарядить новую экспедицию, снова под предводительством Витуса Беринга. Научную свиту возглавил профессор Миллер. Ему, а временно — профессору Гмелину, и подчинялся непосредственно студент Степан Крашенинников.

Марта 6 дня 1733 года отряд академии покинул Санкт-Петербург. Три года длился путь в Якутск. По пути занимались научными исследованиями, сбором исторических сведений и документов, изучением географии, флоры и фауны, других местных достопримечательностей. Но главным оставалось обследование и описание Камчатки, однако ни Миллер, ни Гмелин не торопились туда... В столице потеряли терпение, пришёл ордер Правительственного сената с требованием отправиться на Камчатку без промедления. И тогда Миллер придумал выход...

«...Что за спешный вызов в столь поздний час?» — терялся в догадках Крашенинников, быстро шагая за профессорским курьером.

Миллер заговорил о деле сразу.

— Сенат и командование академии велят нам безотлагательно ехать на Камчатку. Все капитаны во главе с командором уже в Охотске. Но! — Профессор выдержал паузу. — На всех недостаёт провианта. Даже для людей капитан-командора! Что уж говорить о нас, научном придатке экспедиции... Но! — Голос Миллера при-

обрёл торжественность. — Будучи верными слугами её императорского величества и обязательными в своих обещаниях и клятвах, мы решили сделать первый решительный шаг. Мы направляем на Камчатку своего полномочного представителя нашего академического отряда. И выбрали для этой важной и почётной миссии тебя, студент Степан Крашенинников! Ты поедешь наперёд нас и учинишь на Камчатке необходимые приготовления, дабы мы, по приезде своём туда, меньше тратили время и силы. Выбрали мы тебя из всех и потому, что тебе можно поручить отправление всяких наблюдений. Уверены: ты и на Камчатке проявишь своё искусство, коим радовал нас в поездке по Сибири.

— Да, ты у нас большой молодец! — искренне похвалил Крашениникова профессор Гмелин.

— Что и как чинить на Камчатке, мы подробно опишем в инструкции и устных наказах, — сказал, заканчивая разговор, Миллер.

«Свобода, полная самостоятельность, наконец-то!» — ликовав Крашенинников. После душевной избы профессоров на вольном воздухе дышалось легко и радостно. Всё вокруг было прекрасным, изумительным: редкие оранжевые оконца, зубчатый частокол крепостной стены, флажки на башенных шпилях, луна и звёзды в чёрном небе.

(Окончание следует)

История одного старинного путешествия, которое продолжается 260 лет

Галина УСОВА

Вечером восьмого августа 1726 года в доме лондонского книгоиздателя Бенджамена Мотта раздался требовательный звонок. Мотт уже отпустил слугу, который помогал ему в лавке (в те времена книгоиздатели одновременно являлись и книготорговцами), так что пришлось пойти открывать самому.

«Кому это я понадобился в такой поздний час?» — думал Мотт, пробираясь через уставленное книгами помещение. К его величайшему удивлению, за дверью никого не оказалось, только белел на крыльце объёмистый свёрток. Это была рукопись под названием: «Путешествия в некоторые отдалённые страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей». Книгоиздатель заинтересовался сразу: ведь описания романтических морских путешествий пользовались у англичан начала XVIII века успехом. И не случайно: после длительной борьбы Англия вышла среди морских держав на первое место.

Бенджамен Мотт никогда до того не слышал о путешественнике Лемюэле Гулливере. Но к таинственной рукописи приложено было письмо некоего Ричарда Симпсона, который уверял, что автор этого сочинения — старинный и близкий его, Симпсона, друг, меняя место жительства, дал ему эту рукопись на сохранение, предоставив распорядиться ею по своему усмотрению. «Всё произведение, — утверждал Симпсон, — дышит правдой, да и как могло быть иначе, если

Джонатан Свифт.

сам автор известен был такой правдивостью, что среди его соседей сложилась даже поговорка: „Это так же верно, как если бы это сказал мистер Гулливер”».

Мотт не мог оторваться от рукописи, пока не прочёл её до конца. Он убедился, что уверение в правдивости автора — мистификация, а «Путешествия» — сплошная фантазия. Но какая это была интересная, захватывающая воображение, правдоподобная фантазия! Чутьё опытного книгоиздателя подсказывало Мотту: он не прогадает, если немедленно издаст эту необычайно увлекательную книгу, невзирая на то, что никакого Гулливера (как, вероятно, и Симпсона) в природе не существует вовсе. Книгоиздатель и не подозревал, что

Гулливёр у лилипутов.
Рисунок Жана Гранвиля.

автор рукописи тем не менее ему знаком, что и прежде приходилось ему не раз печатать сочинения этого автора...

...А пятнадцатого августа того же года возле ливерпульского порта остановился громоздкий лондонский дилижанс, из которого среди других прибывших вышел пожилой высокий священник, — из-за ужасающей худобы он казался ещё выше. На нём была чёрная шёлковая сутана, украшенная белым кружевным жабо. На ногах — чёрные шёлковые чулки и тёмные туфли с тяжёлыми пряжками. На гордо посаженной голове красовался тщательно расчёсанный парик, с тёмными кудрями до самых плеч. Нетрудно было заметить, что пожилого священника утомил путь более чем в двести миль: ведь дилижанс пересёк Англию с востока на запад. Он с трудом преодолел небольшое расстояние от дилижанса до высокой загородки, отделяющей порт, и, закрыв глаза, тяжело опёрся на эту загородку.

— Вам плохо, сэр? — участливо спросил молодой человек, один из недавних его спутников.

Пожилой священник медленно открыл глаза и покачал головой.

— Немного закружилась голова, — ответил он. — Сейчас пройдёт.

Глаза у него оказались удивительные. Ясные и холодно-голубые — как

предутреннее лондонское небо. Они светились острым блеском, пронизывая молодого человека до самой глубины, и, казалось, увидели вокруг нечто такое, отчего сверкнула вдруг саркастическая усмешка. Но уже в следующий миг священник сосредоточился на своих потаённых мыслях.

Звали священника Джонатан Свифт, и занят он был сейчас мыслями о той самой рукописи, которую книгоиздатель Мотт обнаружил недавно у себя на крыльце. Именно Джонатан Свифт был истинным автором книги о Гулливере.

Священник Джонатан Свифт, декан дублинского собора святого Патрика, возвращался в Ирландию после краткого пятимесячного пребывания в Лондоне. Его ждали прихожане, церковные службы и долгие одинокие вечера — он коротал их, склонившись над книгами и рукописями в своём плохо отоплённом кабинете. А главное — его опять ждала борьба за будущее угнетённых и задавленных нищетой жителей Ирландии, превращённых англичанами в жалких рабов, — борьба, которую он без устали ведёт вот уже десять трудных лет. Проповеди, речи, журнальные памфлеты, беседы с высокими государственными деятелями — всё это сражения в длительной борьбе за справедливость. Создание романа о путешествиях корабельного хирурга тоже было частью борьбы.

«Мне уже пятьдесят восемь лет, — грустно размышлял Свифт, опираясь на загородку и ожидая, чтобы прекратился приступ головокружения. — Неужели пришло время смириться, признать, что моё стремление сделать мир лучше, а человека умнее, честнее, счастливее, — не более, чем затнувшаяся шутка?»

А шутить Свифт любил. Лет 12—13 назад, когда он жил в Лондоне, сошёлся с компанией талантливых литераторов, острословов и едких насмешников. Вместе с ним их было пятеро. Среди них — и знаменитый поэт Александр Поп, и Арбетнот, врач, математик, физик. Друзья придумали героя — Мартина-Писаку — и

сочиняли от его имени весёлые приключения. Ещё тогда Мартин-Писака, по воле Свифта, встретился с маленькими человечками, пигмеями, и побывал на острове философов.

Тогда Свифт ждал больших перемен в своей судьбе, но они так и не свершились...

Свифт родился, рос и учился в Ирландии, в бедной семье. Отец его умер рано, и мальчик всецело зависел от покровительства дальних родственников. Они дали ему богословское образование, так что пришлось стать приходским священником. Свифт знал, что способен на большее. Не раз приезжал он в шумный Лондон, пытаясь получить должность в столице. Он хотел не только устроить собственную судьбу, но и служить своему государству, изменить к лучшему законы страны и судьбы её подданных. Среди его друзей были государственные деятели и влиятельные лица, к речам Свифта прислушивались, но никакой официальной должности получить не удавалось. Правительство не могло простить ему ярких памфлетов, остро ставящих политические вопросы. Всё, чего он добился тогда, в 1713 году, — это место декана собора св. Патрика в Дублине.

Все последующие десять лет он посылал в Лондон один яростный памфлет за другим — он защищал права и независимость ирландского народа. Английское правительство отдало строжайшее распоряжение в Ирландию — арестовать Свифта. Но ответ был получен такой: «Чтобы арестовать Свифта, нужно десять тысяч солдат». Ирландский народ не отдал бы своего защитника без яростного сопротивления.

Он предпринял тяжёлое путешествие в Лондон для того, чтобы пристроить законченную наконец рукопись о Гулливере. Он писал её ради того, чтобы заставить задуматься — куда идёт человечество, топча и попирая идеалы разума, справедливости и нравственности. Свифт понимал, что только повредит Гулливеру, если поставит на обложке рукописи своё имя: он слишком хорошо изве-

Гулливер у Великанов.
Рисунок Жана Гранвиля.

стен как автор ненавистных правительству памфлетов. Вот почему он прибегнул к мистификации.

Вряд ли он снова когда-нибудь поедет в Лондон. Эта поездка принесла ему мало радости. Распался круг друзей-насмешников, с которыми был придуман Мартин-Писака. Жизнь в Лондоне стала застойной, да и сам Свифт уже не тот. Сил осталось мало, всё больше сказываются годы, мучают болезни, головокружения... Неужели он так ничего и не сделал для исправления нравов в этом жестоком, бесчеловечном мире?

...Свифт отбыл в Ирландию, а созданный им герой начал своё долгое путешествие по векам и странам. Бенджамен Мотт выпустил «Путешествия Гулливера» в продажу 28 октября 1726 года. Книга разошлась меньше чем за две недели, пришлось сразу готовить новое издание. Книгу зачитывали до дыр, смеялись до колик. Читатели-современники узнавали знакомую им Англию, улавливали авторские намёки на конкретных деятелей и определённые обстоятельства. Они понимали, что автор издевается над нелепостью и бесчеловечностью буржуазных законов, клеймит кровопролитные войны.

Книге Свифта исполнилось 260 лет. Она переведена на многие языки и по-прежнему читается во всех странах мира. В 1838 году её впервые

проиллюстрировал французский художник Жан Гранвиль. С его иллюстрациями, лучше всего выражающими дух свифтовской сатиры, читаем эту книгу и мы с вами.

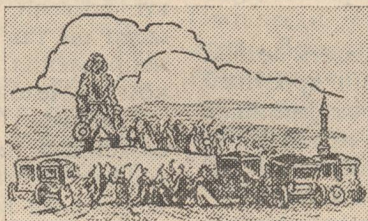
Великий английский сатирик, когда писал «Гулливера», вовсе не думал о читателях-детях. Но в разных странах с течением времени появлялось всё больше переработок и пересказов его книги для детей, особенно первых двух частей, где Гулливер путешествует в странах лилипутов и великанов. Есть такие переработки для детей и по-русски, самую известную из них сделала писательница Тамара Габбе.

Книга о Гулливере сопровождает нас всю жизнь. Маленький ребёнок с интересом следит за приключениями героя, они кажутся ему занимательными и забавными. Но вот мы становимся старше — и начинаем понимать, что не всё так безобидно и забавно. Разве не вызывают у нас негодование государственные правители, которые жертвуют жизнями своих подданных в жестоких войнах только ради того, чтобы доказать, с како-

го конца надо разбивать яйцо? Становимся ещё старше и начинаем понимать многослойную роль перемены масштабов: среди лилипутов Гулливер — великан, среди великанов — сам становится лилипутом. Потом мы открываем для себя ещё две части романа: Гулливера среди лжеучёных-фантазёров и Гулливера в стране разумных лошадей. Все четыре части романа составляют книгу о человеке, призывающую перебороть пороки и недостатки, мешающие ему стать истинно свободным, творческим и просвещённым — таким, о каком мечтал великий гуманист Свифт.

...Свифт умер 7 октября 1745 года. Он сам сочинил себе надгробную надпись: «Жестокое негодование не может более терзать его сердце. Иди, путник, и, если можешь, подражай ревностному поборнику мужественной свободы».

Любознательный моряк и врач Гулливер продолжает свои путешествия вместе с нами — значит, его создатель Джонатан Свифт, по-прежнему борется за свою мечту.

Цветоводы советуют переставлять кактусы с окна на окно — для смены впечатлений. От этого иголки у них становятся зеленее и колючее.

Сегодня «Кактус» выставили на ярко освещённое окно — на четвёртую страницу обложки. «Колючки» для этой странички вместе с постоянными авторами «Кактуса» К. Мелиханом и В. Ломаным собирал сотрудник газеты «Ленинградская милиция» лейтенант Г. Голядкин.

Наверное, поэтому обложка и получилась похожей на «Окно ГАИ».

Оформил её художник Ю. Бочкарёв.

Три письма братишке из армии

Дмитрий ТОЛСТОБА

КОМАНДА „ПОДЪЁМ“

Когда прозвучит
команда «подъём!»
и сон с одеял слетит,
солдат не спросит:
«Куда пойдём?» —
он знает,
куда идти.

Солдату раз десять
не говорят —
сделай, мол, то и то.
Без разговоров
идёт в наряд
солдат,
застегнув пальто.

Ну да, —
не пальто,
конечно, шинель.
Но мама считает,
что
гулять по морозу
в пальто —
теплей.
Пусть думает, что пальто.

Может, до встречи —
четыре дня.
Может, осталось сто.
Ты поцелуй её за меня.
И застегни пальто.

ПЕРВОЕ ВОСКРЕСНОЕ ДЕЖУРСТВО

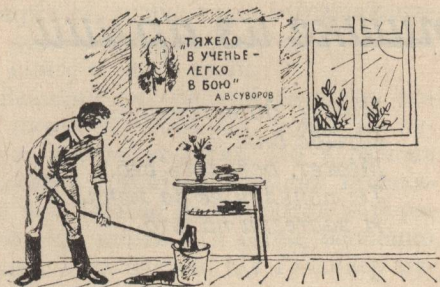
Мне хочется на речку,
а надо чистить печку.
Мне хочется купаться,
а надо мыть полы.
Брожу я по казарме
с тоскливыми глазами,
слоняюсь,
обтирая
белёные углы.

А мне дневальный Витя
(он мухи не обидит),
мне этот тихий Витя
негромко говорит:
«Возьми в каптёрке
тряпку,
ведро найди в подвале,
надень рабочий свитер,
прими рабочий вид».

Сажу на табуретке,
как... ласточка на ветке.
Сажу, ногой качаю,
пусть думают, что тру.

Я в беге —
самый быстрый,
я в тире —
самый меткий,
на брусках —
самый ловкий,
за что меня —
к ведру?

Мне хочется в разведку,
ведь я —
неуловимый.
Мне хочется в атаку,
где взрывы и стрельба!

...Пришли ребята
с реки...
И пол я всё же вымыл —
не помогли ни ловкость,
ни вольная борьба.

На сердце было, Сашка,
и горестно, и тяжко.
Хотелось не в разведку,
хотелось мне домой!
Ты, Сашка, развивайся,
ты спортом занимайся,
от пола отжимайся,
а скажут вымыть —
мой!

ВЕЩМЕШОК

Невысок и неширок
мой
походный
вещмешок.
Он тяжёлый,
словно гиля,
если в нём...
носить песок.

Если он
набит песком,
не хожу я с ним
пешком, —
я бегу,
я тренируюсь
перед дальним
марш-броском.

Но когда
приходит срок,

высыпается песок.
Наполняется вещами
мой
походный
вещмешок.

Уложу в него я, брат,
маскировочный халат,
и консервы,
и галеты,
и блестящий шоколад.
Я себя не распускаю,
я не первый год служу.
Не впихну,
не затолкаю —
аккуратно положу:

пару новеньких погон,
лейкопластыря рулон,
бритву,
мыло,
полотенце
и тройной одеколон.

Разместить сумею я
смену чистого белья,
сигареты,
спички
и
письма
тёплые твои.

На привале
налегке
покопаюсь я в мешке,
посижу,
грызя травину,
отдохну
и письма выну —
радость взвешу на руке.

Рис. В. Данилова

В предыдущих выпусках «Экономического курьера» вы познакомились с пожеланиями и рекомендациями академика ИГОРЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГЛЕБОВА тем ребятам, которые после окончания школы пойдут на производство — будут рабочими или инженерами.

«А на что настраивать себя тем ребятам, которые выбрали путь в науку!» — с таким вопросом обратился к академику наш корреспондент.

И. А. Глебов подробно ответил и на этот вопрос. Запись беседы и репортажи сделаны В. Ковичевым.

«УЧИТЕСЬ ПОЗНАВАТЬ И УДИВЛЯТЬСЯ»

Беседа с академиком И. А. Глебовым.

САМОЕ ДОРОГОЕ— ВРЕМЯ

И. А. Глебов: Никогда ещё значение науки не было так велико, как сейчас. И тем более сегодняшние темпы научных исследований не могут нас удовлетворить. Ясно, что нельзя поторопить идею, пока она ещё не родилась, но мы знаем, что, к сожалению, большая часть времени тратится учёными не на творчество. Длительные расчёты, исправление ошибок в расчётах не столь уж и редки...

Корреспондент: Что, и учёные решают примеры с ошибками? Вот читатели порадуются — оказывается, не они одни...

И. А. Глебов: А чему удивляться? По опыту скажу: если человек занимается расчётами весь день (а приходится и несколько дней кряду), он обязательно допустит ошибку. Человек — не машина. Отвлечётся на минуту, задумается о своём — и сразу сбой. За всю свою долгую жизнь в науке я встретил только одного сотрудника, который не ошибался в расчётах никогда. Но это — феноменальный случай.

С расчётами и ошибками справились — начинается изготовление

чертежей. Чем сложнее изделие — тем чертежей больше. Потом нужно сделать макет. Потом передать в цех для изготовления опытного образца. Потом провести испытания. По результатам испытаний — переделки, значит, опять расчёты, чертежи и так далее... В итоге, пока доведёшь до ума одну идею, видишь, насколько она несовершенна. Уже новая идея возникла, более перспективная, — но не начинать же всё сначала!

Корреспондент: А разве можно выпускать изделие, если ясно, что оно могло бы быть лучше?

И. А. Глебов: А время? Бывает, выгоднее сделать не самую совершенную машину, если в ней назрела нужда, чем не сделать никакой. Хотя обидно, конечно, — видна упущенная выгода.

Корреспондент: Время, время... Нам, журналистам, это понятно. Бывает, торопишься со статьёй к сроку, а выйдет публикация — радости не испытываешь, видишь: здесь можно было не так написать, здесь не то, но поздно — уже вышло. А каково учёному? Целому институту? Заводу, где тысячи людей торопились к сроку воплотить разработку учёных, а она, оказывается, — вчерашний день?

Может, вообще лучше избавиться от этого многоэтапного пути от идеи до изделия?

Окончание. Начало в «Искорке» № 9, 10.

И. А. Глебов: Уже избавляемся. И опять на помощь приходит вычислительная, исследовательская техника. Во многих ленинградских институтах уже получили распространение автоматизированные системы научных исследований (АСНИ). В основе пользования ими — всё тот же диалог человека с машиной. Изделия ещё нет, а его можно не только увидеть на экране дисплея, определить и вымерить все параметры, но и... испытать. Учёный задаёт режимы работы, а машина сообщает, как поведёт себя будущий опытный образец в деле.

Корреспондент: То есть — можно прокатиться на автомобиле, которого ещё нет? Смешать раствор, не замочив посуды? Повалиться на воображаемой кровати?

И. А. Глебов: Ну, это слишком просто. АСНИ позволяет заглянуть внутрь молекулы или провести космический полёт, не выходя из лаборатории... Перед исследователем открывается небывалый простор для экспериментов. Они необре-

нительны, дешёвы и дают самые достоверные результаты.

Корреспондент: Мечта, а не работа.

И. А. Глебов: Но она требует совершенно иных подходов к научному поиску. Если раньше основная часть работы учёного сводилась к сбору информации, проведению многочисленных опытов, для каждого из которых надо тратить уйму времени, а то и монтировать новую установку, конструировать уникальный прибор, то теперь от учёного требуются прежде всего идеи, нестандартные решения, умение анализировать и делать выводы. А раз так, учёному следует быть более взыскательным к себе. Не успокаиваться на достигнутом, сомневаться, искать даже там, где уже, казалось, всё найдено — тобой или другими.

Корреспондент: Выходит, Михалковский ни во что не верящий Фома — не такой уж отрицательный герой?

И. А. Глебов: Не упрощайте.

Репортаж сегодня Тепло из Холода

Человек с древности привык греться от огня. Тепло даёт тепло. Надо сжечь, что горит, — и согреешься.

То, что уголь, торф, нефть, газ, сгорая, дают энергию, — естественно. То, что вода больших рек, переработанная гидрогенератором, может осветить и согреть города и сёла, — уже не удивительно.

Ну, а не попробовать ли согреться холодом! Причём таким, от которого и шуба не спасает! Градусов этак 269 мороза. Это тем-

пература, при которой самый инертный газ — гелий — густеет до жидкого состояния.

И представьте себе — учёные это попробовали.

Уже есть машина, позволяющая получать энергию за счёт холода. В дни работы XXVII съезда партии на ленинградском объединении «Электросила» завершили её изготовление — первого в мире криогенного генератора мощностью 300 тысяч киловатт.

Криогенный — значит

рождённый холодом. А суть вот в чём.

Учёные обнаружили, что некоторые сплавы в условиях сверхнизких температур теряют способность сопротивляться силе постоянного тока. Заключённые при минус двухстах с лишком, они уж и не стараются, как все нормальные проводники, препятствовать движению заряженных частиц, заставляя их работать на обогрев себя. Ток большой силы проходит по ним практически без потерь. Ко-

эффицент. полезного действия такого генератора почти в десять раз больше обычного.

Понимаете, что это значит?

Для выработки 300 тысяч киловатт электроэнергии требуется сжечь в десять раз меньше топлива. Где уходила тонна — достаточно центнера. Какой экономией обернётся широкое применение криогенной техники в масштабах страны — легко представить.

Это революция в энергетике.

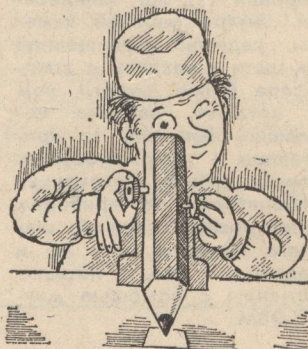
Репортаж восьмой На чём рисовать микро- схему?

Сердце микросхемы ЭВМ — кристалл. Невооружённым глазом его не рассмотреть. Но если взять (только осторожно, тонким пинцетом) и посадить его на кончик пальца, то в лупу рассмотреть можно. Но тогда уж нельзя на него дышать — сдуешь. Такая это кроха. Однако в ней умещается электронная часть ЭВМ, занимавшей раньше целый зал размером больше твоего класса.

Вообрази себе слона, уменьшенного до блошиных размеров. Он скачет легко,

как блоха, но сила в нём та же, слоновья — брёвна катит, не запыхавшись. Или представь четвертушку бумаги, на которой отпечатано всё содержание Энциклопедического словаря. Вот что такое большая интегральная микросхема.

Но что же должна собой представить «бумага», «пластинка», ну, вообще поверхность, на которой можно «нарисовать» такую громадную схему в тысячекратном уменьшении! Тут и глянцевая бумага покажется неровным полем, усыпан-

Если знаний не хватает, любая азбука — открытие. А новое невозможно открыть, пока не освоил старого, до тебя добытого.

Но нужно соответствовать сегодняшнему ускорению. Ведь само понятие «грамотный человек» имеет сейчас иное значение. Когда-то грамотным считался тот, кто умеет читать и писать. Потом — кто умеет писать без ошибок и знаком с классикой. А теперь? Теперь речь идёт об освоении всеобщей компьютерной грамотности.

Помню, попал я как-то в один любопытный музей в Ганновере. Там выставлены экипажи за много веков. В болотистых окрестностях этого немецкого города затонуло — слой за слоем — несколько поколений изделий каретных и тележных мастеров. В ходе раскопок их извлекали, реставрировали. Так и возник музей. Директор этого уникального учреждения, большой энтузиаст своего дела, оказывается, докторскую диссертацию защитил

по истории... колеса. И вот чему я поразился в его рассказе: от тяжёлого цельного колеса — попросту деревянного круга — до колеса обычного, со спицами, человечество шло три тысячи лет! Вот какими темпами продвигался раньше технический прогресс! А теперь?

От первой вычислительной машины, громоздкой, несовершенной, до интегральной микросхемы величиной с булавочную головку прошли всего десятилетия. Для истории — миг. Вчерашние открытия — сегодня уже пройденный этап. И хоть по-прежнему технические революции крайне редки, знания устаревают быстро, а будут — ещё быстрее.

Корреспондент: А не получится ли, что современные школьные знания устареют к тому времени, когда нынешним школьникам доведётся применять их на практике, и станут не нужны совсем?

И. А. Глебов: Нет. Без фундаментальных знаний школьных наук нельзя будет обойтись ни в одной

ным валунами, и безупречно отполированный металл — не глаже гравийной дорожки.

Не существует в природе достойных материалов. Материал с такой поверхностью... выращивают.

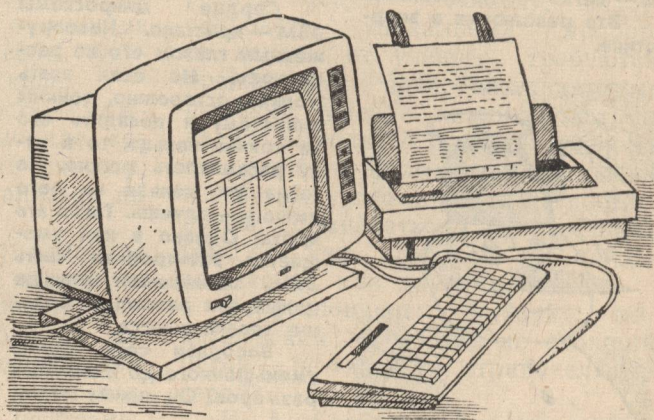
...Меня привели в лабораторную комнату. Сияли лампы, было белым-бело и тихо; как в операционной. Люди в белых халатах ходили вокруг установки, похожей на космический корабль.

Лаборант плеснул в воронку жидкого азота: края воронки тут же заиндевели. Внутри рабочей камеры, надёжно защищённой от света и воздуха, в атмосфере более чистого, чем в космосе, вакуума, неспешно, кристалл за кристаллом формировались тонкие плёнки. Сотрудники лаборатории по приборам фиксировали каждый шаг этого процесса, они же и задавали его, посылая команды с помощью микро-ЭВМ.

Создаётся «тетрадка», каждый лист которой толщиной в... атом. Потом на них и будет наноситься рисунок полупроводниковой схемы.

Во всём мире можно перечислять по пальцам на одной руке фирмы, производящие такие основы для больших интегральных микросхем. Ни одна из них не поставит свою продукцию в Советский Союз, потому что правительство США, надеясь задержать темпы

компьютеризации в нашей стране, наложило запрет — эмбарго. Но фокус не удался. Советские учёные в короткий срок разработали технологию и создали технику для производства тонкоплёночных структур, во многом превосходящую западные. Значит, будут у нас самые современные компьютеры целиком собственного изготовления. Тут — запрещай не запрещай... Хотим — и сделаем.

профессии. Без тригонометрии, алгебры, физики не подойти к освоению компьютерных систем, а осваивать их придётся всем. Знание языков нужно специалистам технического профиля — все языки программирования ЭВМ построены на базе английского, да и вообще любой язык — богатейший материал для программиста. Лингвистам нужна математика: вычислительные машины незаменимы при составлении словарей. В арсенале зоологов, ботаников всегда использовались бесчисленные карточки с описаниями сведений, сейчас их закладывают на хранение в память ЭВМ. Вообще в Ленинграде работают различные институты системы Академии наук СССР — литературы, языкознания, физиологии и другие, далёкие от точных наук, но во всех применяется вычислительная техника.

Корреспондент: Да, хорошо «технарям»! А вот тем, кто с детства не любит решать задачи, считать...

И. А. Глебов: ...будет так же

трудно, как тем, кто не любит читать. Учёным может стать только широко эрудированный человек.

Любопытный пример. Специалисты Института информатики и автоматизации АН СССР проанализировали произведения Пушкина. И обнаружили, что язык великого поэта обладает удивительной информационной насыщенностью. В небольшом объёме текста умещается рекордное для русского языка количество единиц информации («бит»). На основе пушкинского языка удалось разработать исключительно ёмкую программу для ЭВМ. Ясно, что такая идея не могла прийти в голову математику, для которого в школе литература была нелюбимым, лишним предметом, а дома он ничего, кроме книг по программированию, не читал.

Ну, а какой производитель, учёный, руководитель любого ранга может обойтись без умения толково, убедительно, лаконично составить деловое письмо? А от письма порой зависит так много... Но чтобы

добиться важного решения, доказать его обоснованность, нужно обладать определёнными литературными навыками и уж, конечно, не делать грамматических ошибок.

Словом, необходимая эрудиция, а на неё как раз и нацеливает школьная программа, нужна специалисту любого профиля. В общем, я готов повторить то, что сказал в самом начале нашей беседы: надо учиться!

Корреспондент: А знания устаревают...

И. А. Глебов. Да, но в первую очередь — специальные знания. И это значит лишь то, что учиться надо всю жизнь. Не зря партия ставит задачу всеобщего непрерывного обучения. Неучам в будущем обществе не найдётся места.

Хочу, однако, предостеречь от крайностей. Знал я одного учёного, который всю жизнь, отрешившись от всего, изучал математический анализ. Познал свой предмет доскональнейшим образом. Сорок лет занимался только этим. А тут пришла пора выходить на пенсию. Так он ничего и не создал.

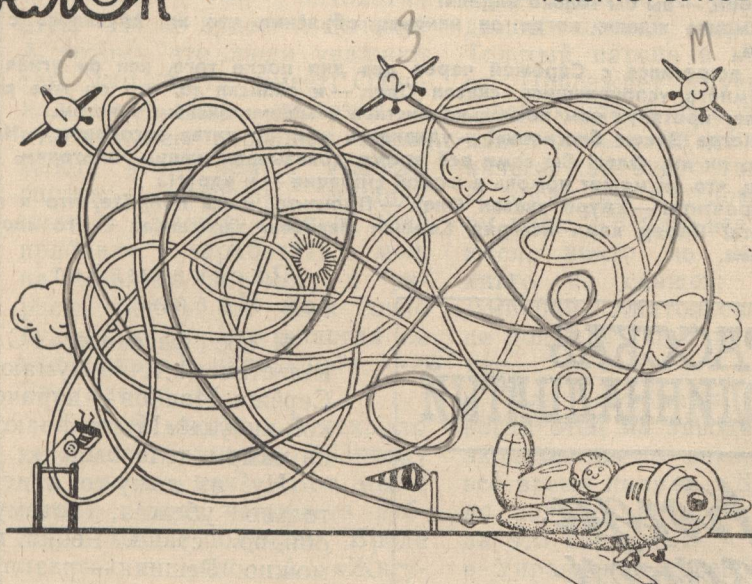
К чему это говорю? Познание необходимо. Но смысл жизни — не только в нём. Надо видеть цель, а не просто познавать. Надо определить цель своей жизни, и как можно раньше — тогда больше можно успеть ещё в молодости. Время благоприятствует молодым.

Это самое важное, что я хотел бы посоветовать вашим читателям: не теряйте времени, заранее готовьте себя к будущему. Ведь и от этого зависит — каким будущему быть.

Рис. Г. Светозарова

узелок

Рис. Д. МАЙСТРЕНКО
Текст Ю. БУКОВА

КТО ПОБЕДИЛ!

Три самолёта вели учебный бой. Первый воевал за синих. Второй — за зелёных. Третий — за малиновых. Счастливого победителя на аэродроме встретили фотокорреспонденты.

Какой самолёт выиграл бой!

Один „альп-узел“

Олег Данилов

ИМЕНЕМ

Научный консультант —
кандидат
юридических наук
В.С. ТИМЕСКОВА

12

РАССКАЗОВ
О БОРЬБЕ ЗА ИСТИНУ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

С
РАССЛЕДОВАНИЯМИ,
ИССЛЕДОВАНИЯМИ,
ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ,
СУДЕБНЫМИ
ЗАСЕДАНИЯМИ
И
ЮРИДИЧЕСКИМИ
КАЗУСАМИ.

ОТ РЕДАКЦИИ

— ...Вы бы видели лицо этого мальчика, — повторял Олег Данилов, мрачно глядя перед собой, — вы бы только видели!

Мы молча ждали, когда он наконец объяснит, что же случилось с Серёжей Ивановым.

— Я встретился с Серёжей через два дня после того, как он угнал автофургон, — немного успокоившись, сказал Олег, — и записал то, что он мне рассказал... И Олег протянул нам несколько листов с машинописным текстом.

— «Когда Закон бессилен!» — удивились мы, прочитав заголовок. — Не преувеличиваете ли вы, Олег! Вы сами всё время доказывали нашим читателям, что Закон всемогущ, что он может помочь в любой ситуации — и вдруг!..

— Прочтите! — хмуро сказал Олег. — Прочтите, и вы поймёте, что я прав.

Ребята! Перед вами история Серёжи Иванова, записанная с его слов Олегом Даниловым.

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

*Когда
закон
бессилен*

Рассказывает Сергей Иванов:

Я всё расскажу. С удовольствием! А то думают, что Серёжа Иванов — дурачок какой-нибудь! Пусть знают, как на самом деле было...

Ну, из дому-то я действительно убежал, потому что обидно стало. Ребят понять можно. Решили — раз папаша такой, значит, и сын недалеко ушёл... Яблоко от яблони недалеко, мол, падает... Я и обиделся...

Про Каменскую трикотажную фабрику я много раз от отца слышал, когда он по те-

лефону говорил. Я тогда решил — узнаю всё и скажу отцу: кончай, мол, свои дела, иначе в милицию заявлю! Не хочу, чтобы меня из-за тебя вором считали. Ну, дурачок был!

Проболтался я у ворот той фабрики двое суток — ничего, конечно, не узнал. Замёрз только, как собака. А потом, как меня поймали и обратно привезли, у нас с отцом разговор состоялся. Я ему тогда, как и хотел, всё выложил. Думал — он орать будет, за ремень хвататься... Ничего подобного!

— Тебя, значит, из-за меня в милицию потащили? — усмехнулся отец. — А вот почему меня самого туда не тащат? Ребята в курсе, взрослые — и подавно! Посмотри — нет милиции? Выгляни во двор — не приехали?

Я сдуру посмотрел. Не сообразил, что это шутка.

— Нет? — захохотал отец. — И не будет! А почему? А потому что люди уважают тех, кто жить умеет! Одноклассники твои — мелюзга. А кто поумнее, постарше, понимают, что к чему... Любого спроси: «Хочешь машину иметь?» Скажет: «Хочу!». Ещё прибавит, заработать, мол, на машину не могу, а украсть боюсь. «А если точно будешь знать, что никогда не попадёшься — украдёшь?» — Задумается.

Боятся многие... А тех, кто не боится, — уважают! Потому что иначе — как? Вот мы с мамой вместе четыреста рублей в месяц получаем. Вроде не так и мало... А «Жигули» девять тысяч стоят. Значит, если всю зарплату откладывать, свежим воздухом питаться — и то два года копить надо! А реально — по сто рублей в месяц откладывать — это восемь лет! И, между прочим,

на свете не только «Жигули» существуют, а ещё разные хорошие вещи!

— Подожди! — вспомнил я. — А вот Игоря Бондаренко отец машину купил недавно... Изобретение какое-то сделал и очень большую премию получил!

— Ну и что?

— Можно, выходит, и зарабатывать!

— Серёжа! — поморщился отец. — Тебе же не три года... Подмазал он, кого надо, а потом премией этой поделился! Так оно и делается... Ты другое скажи: тебе на «Жигулях» ездить нравится? Видеомагнитофон гонять? Ну и весь разговор! А на одноклассников своих наплюй. Поумнеют — завидовать начнут, сами прибегут, просить будут, чтобы на машине покатали и «видик» посмотреть разрешили...

Долго потом я думал про то, что мне отец сказал, и понял — прав он. У нас рядом с домом пивной ларёк стоит. Толстый парень в нём торгует. Приезжает и уезжает на своей машине. Все знают, на какие деньги он её купил, и ничего, как будто так и надо. И когда мы с отцом по двору идём — с ним все здороваются, никто не отвернётся, никто не скажет: «Я вам, Дмитрий Анатольевич, руки не подам!» Тянут как миленькие...

Или вот мама. Раньше, когда отец на заводе работал экономистом в цехе, она его всё время пилила. «Денег нет, до полочки не доживём, и когда это кончится!» А как отец в Управление перешёл, начал дела крутить — в семье у нас мир и счастье. «Ах, Димочка, ты, наверное, устал! Ты переутомился! Полежи отдохни! Я тебе кофе подам! Я тебе газетку принесу!» Еще бы — с работы ушла, завела себе пер-

сональную портниху, парикмахершу, маникюршу, массажистку...

Прав отец — жить надо уметь!

А на следующий день после нашего разговора он мне на личные расходы пятьдесят рублей выдал. А что — плохо? Нормально...

...Как-то пошёл я по улицам поболтаться, — скучно дома, а с ребятами разругался после того случая... Оказался у метро... А там трое парней стоят, две девушки с ними. Взрослые — лет по семнадцать. Весёлые, смеются... Я ещё подумал — вот бы мне таких друзей!

Один из них говорит своим: «Дайте закурить!» Те хлоп по карманам — нету ни у кого. Стали мелочь считать — не набирается. А у меня с собой как раз пачка «Данхила» была — я у папашы со стола позаимствовал, на всякий случай. Я тогда не курил, просто пачка понравилась. Подхожу, говорю: «Хотите закурить, ребята? У меня есть».

Так и познакомились. Я им всю пачку отдал. Они меня не прогнали, один даже подвинулся, место мне у стенки освободил... Я и сам тогда закурил. Кашлять стал, давиться, думал, смеяться будут. А они: «Ничего, привыкнешь, не бойсь... Жалко — выпить не на что, а то и винца тебе попробовать пора...»

Я им про деньги намекнул — сразу лучшие друзья сделались! Один у меня десятку взял, в магазин сбегал, вина принёс. Посидели в скверике, мне полстакана дали... Я думал, опять давиться начну. Нет, голова только закружилась, и всё...

И вот стал я с ними каждый вечер гулять. Уважали они меня. Конечно — раз у меня деньги! А скоро и вообще

отлично стало. У Пимахи — его фамилия Пименов, а мы Пимахой звали — родители в командировку за границу на два года уехали, квартира освободилась — нормально! Мы там и собирались.

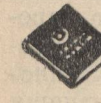
Вот только папаша мой что-то стал ерепениться: «Зачем тебе столько денег? На тебя не напасёшься!» А денег у нас с ребятами много уходило... Вино, сигареты да закуски всякая. А тут ещё Вера Морозова — она в ПТУ каком-то училась, даже не знаю на кого — стала кассеты магнитофонные приносить, фирменные. Вечер послушать — десятка. Переписать — четвертной...

Ждали они меня, встречали, как родного. Спасителем называли, кормильцем... И никто на мозги не капал, про уроки не напоминал, про дисциплину всякую... Нормально, в общем!

Пару раз я у отца из бумажника стянул. А чего такого? У него-то у самого откуда? Не заработал же... Заметил он. По физиономии мне съездил. Крик поднял. И вообще деньги перестал давать.

Тут я и решил — прижму я тебя, дорогой папочка. Узнаю всё про твои дела и скажу: «Или поделись с единственным сыном, или...». Тогда я и стал книжки по экономике читать. Понять пытался, что к чему, и сначала ничего не понял.

Папаша в Управлении снабжения работает. Они от предприятий заявки получают — на материалы, на оборудование... А потом Управление это всё заказывает и по предприятиям распределяет. В учебнике даже схема нарисована со стрелками. Чего тут можно украсть — чёрт его знает! А когда я своим ребятам рассказал, то Венька Самокат — а он студент, на треть-

ем курсе учиться — засмеялся и говорит:

— Простое дело! Что такое дефицит, знаешь?

— Знаю, — говорю, — когда не хватает чего-то!

— Ну вот! Требуются, предположим, для всех предприятий... ну... восемьсот комплектов электродов. К примеру. А заказывает твой папаша — четырёста. Вот дефицит и получается. На всех не хватает. Значит, даёт он тем, кто ему взятки даёт. А не дадут — не получают. А предприятию

надцати положено или смертная казнь! Вот тут-то я своего папашу сильно зауважал — на какой риск идёт и не боится!

Тем же вечером говорю: «Папа, мне нужны деньги!» Он мне десятку. Говорю: «Мало!» Он: «Скажи зачем?» Говорю: «Не твоё дело». Он мне по физиономии — да так, что я в стенку врезался...

Рассказал я про это своим ребятам. Венька Самокат и говорит:

— Да, крутой у тебя па-

план выполнять надо... Так что называется это — получением взятки с использованием своего служебного положения. Сколько за это полагается — не знаю, но думаю — прилично.

Пошёл я в библиотеку школьную, попросил Уголовный кодекс — сказал, что к докладу готовлюсь. Нашёл статью 173 — «Получение взятки», прочитал — и как-то не по себе стало. Потому что за это дело от восьми до пят-

пашка! Молоток! Уважаю! Однако наказать его надо. Попугать слегка. Чего он для единственного сына денег жалеет?

И такую штуку придумал, что мы часа два от смеха катались...

Прошло лето, мы в Сочи отдыхали, вернулись — я сразу к ребятам. Они грустные — денег нет. Венька Самокат спрашивает: «Ну как, сработало?» Говорю: «Нет пока».

Возвращаюсь домой, а папаша — мрачнее тучи.

— Это что такое? — кричит. — Кто это сделал? — И журналом «Искорка» трясёт.

А в журнале — помните, в восьмом, кажется, номере — письмо напечатано, которое будто бы он прокурору послал! А это Самокат сочинил — я же ему рассказывал про все эти дела!

Схватил меня отец за шиворот, мамашу оттолкнул — заступаться решила, — втащил в свою комнату...

— Твои штучки? — кричит.

— Мон, — говорю, — папочка.

— То-то, — кричит, — меня прокурор вызывал. Я ничего понять не мог! Какое-то якобы письмо я им написал, что-то требовал. Какого чёрта ты это устроил? В тюрьму меня упрятать хочешь?

— Мне, — говорю, — деньги нужны, папочка.

Он мне опять по физиономии.

— Дерёшься! — кричу. — А сто семьдесят третью статью хочешь? Ещё и тюрьме обрадуешься.

Он даже в лице изменился.

— Ты на что намекаешь?

— На часть третью. Забыл? Напомнят!

Долго он молчал, а потом говорит:

— Вырос ты, сынок. Взрослый стал. Давай по-взрослому и разговаривать. Если я сейчас тебе уступлю — ты с меня всю жизнь тянуть будешь. Поэтому — ни копейки ты от меня не получишь. А насчёт того, что пугать меня вздумал, — имей в виду следующее. Была у нас недавно ревизия. Теперь понятно — из-за этого письма идиотского! Профессионалы-ревизоры работали, не тебе, сопляку, чета. И ничего не нашли. Пол-

ный порядок, не подкопаешься. А почему не нашли — догадываешься?

— Догадываюсь... Они тоже под сто семьдесят третью подходят...

— А вообще — спасибо тебе, сынок! — рассмеялся вдруг отец. — Теперь у нас проверок долго не будет.

Рассказал я всё это ребятам, они тоже посмеялись. А Самокат говорит:

— Нам наука. Нечего с малолетками связываться. Иди, Серёженька, домой. Ты, наверное, не все уроки сделал... Иди, понял?

Прогнали они меня. Я и не обиделся нисколько — раз денег нет, чего они со мной дружить будут? Всё правильно.

А однажды пришли к отцу гости — два незнакомых мужика. Долго сидели, коньяк пили, голоса громче стали, и я кое-что услышал:

— На джинсы переходим, уважаемый Дмитрий Анатольевич! Утрём нос за границей!

— Ну, как я для Каменской фабрики вдруг выпишу индиго? — это отец. — На каком основании?

— Думайте! Того стоит!

— А наклейки? Заклёпки?

— Это уже наша забота...

— А где продавать?

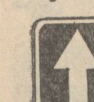
— Тоже наша забота...

Итак — договорились? Первая партия восемнадцатого...

Звякнули рюмки — значит договорились.

Пошёл я к ребятам — Веньку Самоката найти, посоветоваться.

— Да всё очень просто, — говорит он. — Они наши отечественные джинсы заграничным красителем индиго пропитают, наклейки и заклёпки приделают и будут продавать как иностранные. Наши сорок рублей стоят, а иностранные — сто. А папаша

твой, снабженец, им это индиго выпишет. За это и получит. Понял?

И тут меня одна идея осенила.

— Слушай, — говорю, — Венька... А если, предположим, с рук продавать, по восемьдесят... Наверное, быстро раскупят?

— Ну! — усмехается Венька. — На двадцатку дешевле, чем в магазине? Ясно!

— А я ведь знаю, — говорю я ему, — где эта фабрика... И как оттуда продукцию вывозят...

— Ну это, — говорит, — другое дело...

...Ночью, перед восемнадцатым числом, я долго заснуть не мог. Страшно мне стало. И не то страшно, что поймают, а вообще — даже непонятно, почему... Но тут я про отца подумал. Он ведь жизнью рискует — и не боится! Вот как надо! А будешь слюнтяем, трусом — так и проживёшь, над каждой копеей трясешься! Нет уж!

И сначала всё пошло как по нотам.

На фабрике на этой, прав-

Самокат сначала молчал — оценивал. Потом оценил.

— Ну ты, Серёга, — говорит, — гений! Ведь если у них машину с «левыми» джинсами угнать — они в милицию не пожалуются. Но учти, — тут Самокат даже руками замал для убедительности, — я в эти дела — ни-ни! Я, как Остап Бендер, чту Уголовный кодекс!

— Продать, — говорю, — поможешь?

да, те ещё порядочки: хоть всё вывози — не заметят. Ворота настежь почти всё время, взад-вперёд люди ходят, пропуска никто не проверяет... Один фургон в стороне стоял, кончили его нагружать, я щеколду скинул, заглянул — и точно! Они! Навалом. Наклейки, заклёпки, пояса...

Шофёр только ехать собрался — я подбегаю.

— Дяденька, — кричу, — вас к телефону, срочно! Же-

на звонит!

Он — бегом в контору. Ключи, конечно, в щитке оставил. А машину водить меня отец давно научил...

Рассказывает Олег Данилов:

...Дома, улицы, светофорные мигалки на перекрёстах — всё слилось у меня перед глазами в одну бесконечную разноцветную ленту. «Волга» капитана Соколова, оборудованная двигателем по-

блюдением держали, фабрику — тоже... Кстати, об угоне фургона сообщил наш сотрудник, работники фабрики молчат. В магазине, куда они «левый» товар везут, дежурят сотрудники ОБХСС... А вот про мальчика не подумали...

— Докладывает наблюдатель патрульного вертолёта! — раздался голос по рации. — На шоссе замечена машина «Волга» синего цвета с двумя пассажирами, преследует автофургон КДС 58-03.

вышенной мощности — специально для преследования, — рвалась из города. Вой sireны, казалось, разбрасывал встречные машины в разные стороны.

Когда мы выехали на шоссе, капитан выключил сирену.

— Что там случилось, Владимир Иванович? — немедленно спросил я.

— Ума не приложу! — капитан пожал плечами. — Где-то мы ошибку допустили. Квартиру Ивановых под на-

— Беру управление операцией на себя! — сказал капитан Соколов в микрофон. — Ивченко!

— Я, Владимир Иванович! — отозвался лейтенант. — Ведём «Жигули» инженера Иванова. Направляется в сторону Каменска.

— Уходи вперёд, — приказал капитан, — и налево по просёлку, выскочишь как раз за Березняками. Перехвати эту «Волгу»!

— Понял, товарищ капитан!

— Преследуют... Кто это? — встревоженно спросил я.

— Это «Волга» главного инженера фабрики Корецкого. Он — один из главарей всей этой банды. А второй — наверняка Чехол. Уголовник... Корецкий его пригрел после лагеря, слесарем оформил... А на самом деле он на побегушках и как телохранитель... Плохо дело. Ведь они на всё пойдут!

Некоторое время мы ехали молча.

— Сообщает наблюдатель патрульного вертолёт! — слышалось из динамика. — «Волга» синего цвета обошла автофургон КДС 58-03. Пытается остановить его, прижимает к обочине. Фургон в опасной близости к кювету!

— Вот мерзавцы! — сквозь зубы сказал капитан. — Ну погодите, голубчики!..

— Фургон вышел на осевую и резко увеличил скорость, — доложил наблюдатель. — «Волга» отстала, но продолжает преследование. Вижу милицескую машину «Жигули» — вышла с просёлочной дороги...

— Это Володя! — облегчённо вздохнул капитан Соколов. — Ну, порядок!

— ...преследует «Волгу». Догоняет. Идёт на столкновение...

— На такой скорости! — испугался я. — А если?..

— Ничего, ничего! — спокойно сказал капитан. — Дело привычное, отработанное...

— «Волга» в кювете! — сообщил наблюдатель. — Преступники, покинув машину, бегут к лесу! Один из них отстреливается!

— Кошмар! — воскликнул я. — А вдруг?..

— Ничего, ничего! — сказал капитан. — Уж как-нибудь...

— Товарищ капитан, — раз-

дался через несколько минут голос Ивченко, — пришлите «техпомощь» в район шестнадцатого километра. Что-то не заведётся никак...

— А те где? — спросил капитан. — А то со мной товарищ Данилов, волнуется...

— Здравствуйте, Олег! А чего волноваться? Они со мной в машине сидят...

— Всё ясно! «Техпомощь» будет!

Наша «Волга» пронеслась по мосту через какую-то речушку, и снова по обеим сторонам дороги замелькали деревья...

Рассказ продолжает Сергей Иванов:

...В зеркало заднего вида я заметил, что милицеский «Жигуль» столкнул эту проклятую «Волгу» в кювет. «Плохо, — подумал я. — Милиция, значит, подключилась. Сворачивать надо поглубже в лес, фургон прятать, самому смываться...»

Навстречу мне неслась ярко-красная легковая машина с низко посаженными галогеновыми подфарниками. Ещё издали я узнал «Жигули» отца. Откуда он тут взялся?

Он проскочил было мимо, но тут же развернулся, догнал меня и начал сигналить: стой, мол, остановись!

Пришлось тормозить — всё равно не отстанет.

В ногах у меня лежала сумка с инструментами. Выходя из кабины, я на всякий случай прихватил тяжёлый гаечный ключ.

Отец выскочил из машины.

— Что ты тут делаешь? — закричал он. — Зачем угнал фургон?

— Деньги нужны, папочка, — говорю я. — Тебе нужны и мне нужны. Посоветуй лучше, куда фургон спрятать! Да скорее, а то милиция вроде зашевелилась уже...

— Опомнись, Серёжа, — говорит отец и тут увидел в руке у меня гаечный ключ. Он даже в лице изменился: — Это ты на родного отца, Серёженька?

Я смотрю на него — а вижу совсем другое. Вижу, как наши ребята — вся компания — у Пимахи в квартире расположились. Сам Пимаха на гитаре тренькает, Самокат что-то смешное заливает, Верка Морозова улыбается — а она красивая, стройная такая, только лицо от вина опухать стало... И вот они сидят, а тут я вхожу и так небрежно пачку денег на стол — раз! И как они все ко мне кинутся, обнимать начнут, по плечу хлопать, а Верка, может, и поцелует.

— Слушай, — говорю, — родной отец! Убирай машину с дороги! По-хорошему прошу! Он сгорбился весь, жалкий стал.

— Что я наделал! — шепчет. — Серёженька, прости меня! Прости!

— Убирай машину! — кричу. — Оглох, что ли?

А он всё чего-то бормочет себе под нос, руками разводит, на глазах слёзы — смотреть противно!

Я не знаю, что со мной сделалось, но только я гаечный ключ перехватил поудобнее, к отцу подбежал!.. Вовремя вы подъехали. Хотя папаше, я так понимаю, всё равно крышка...

А мне ничего не будет. Всего-навсего — угон без цели хищения. Может, я покатаюсь захотел на фургоне на этом? А если вы в журнале напечатаете, что я сейчас говорил, я на суде скажу — враньё, и всё! Сочинил писатель Данилов для интереса! Не подкопаются...

ОТ РЕДАКЦИИ

— А что было дальше! — спросили мы, дочитав рассказ Олега.

— Дальше! Довольно скоро подъехала патрульная машина. Д. А. Иванова отправили в камеру предварительного заключения, а Серёжу капитан Соколов довёз до дому и сдал на руки матери... Но вы бы видели, — помрачнел Олег, — как он, четырнадцатилетний мальчик, с гаечным ключом бросился на своего отца!.. Это было страшно!..

— Но почему всё-таки Закон бессилён!

— Я знал, что вы зададите этот вопрос, и потому попросил прочитать свой рассказ прокурора Николая Николаевича Кириллова, — сказал Олег, — а потом мы с ним побеседовали.

Вот что сказал Н. Н. Кириллов [запись с магнитофона]:

— Видите ли, Олег, случай, конечно, исключительно тяжёлый... Лишний раз убеждаешься, что преступление опасно не только само по себе...

— То есть!

— Преступник живёт среди людей. И его образ жизни, мораль, его преступная психология разлагающе действуют на окружающих... Так взяточничество Д. А. Иванова, его психология дельца-накопителя действовали на Серёжу... А вы почему, Олег, считаете, что Закон бессилён! Потому что Серёжа не подлежит уголовной ответственности!

— Нет. Потому что он, несмотря на свои четырнадцать лет, — полноценный человек. Поднять руку на отца! Никакой Закон, мне кажется, не в силах его перевоспитать!

— А вы знаете, что говорил замечательный русский юрист А. Ф. Кони! «...Нет такого преступника и падшего человека, в котором безвозвратно был бы затемнён человеческий образ...» Имейте в виду — наши законы прежде всего не карают, а воспитывают. Так будет и в данном случае.

Уверяю вас, когда Серёжа узнает, что его отец с сообщниками давно находился под наблюдением, что ни о какой безнаказанности не могло быть и речи, на него это подействует!

— В этом смысле я согласен с вами, Николай Николаевич. Может быть, преступником Серёжа и не станет. Но ведь он утерял представление об истинных человеческих ценностях! Дружба, любовь, взаимопомощь, тепло семейного очага — всё это заслонили у него деньги! Кроме денег, он ни о чём думать не в состоянии! Может ли Закон изменить его психологию!

— Здесь мы с вами вступаем в другую область — область морали... Действительно, бывают случаи, когда тот или иной человек не совершает преступлений, перед Законом чист, но все его помыслы, стремления, мечты сводятся к одному — побольше заработать! Это страшная психология! Такой человек не поможет товарищу, не кинется спасать ребёнка, он и на работе будет думать не о пользе дела, а о лишней десятке!

— Именно это я и имею в виду. Серёжа Иванов может стать таким, он уже такой — и никакие нормы права не изменят его отношения к жизни.

— Может быть... Как необходимо ему сейчас твёрдое слово отца!.. Но его отец — преступник! И вернуть Серёже семью, которая ему так необходима, Закон действительно не может... И тем не менее, я глубоко убеждён — Сергей Иванов не безнадёжен!

Я хотел бы, чтобы и ваши читатели как следует подумали над всей этой историей. И постарались бы ответить на следующие вопросы:

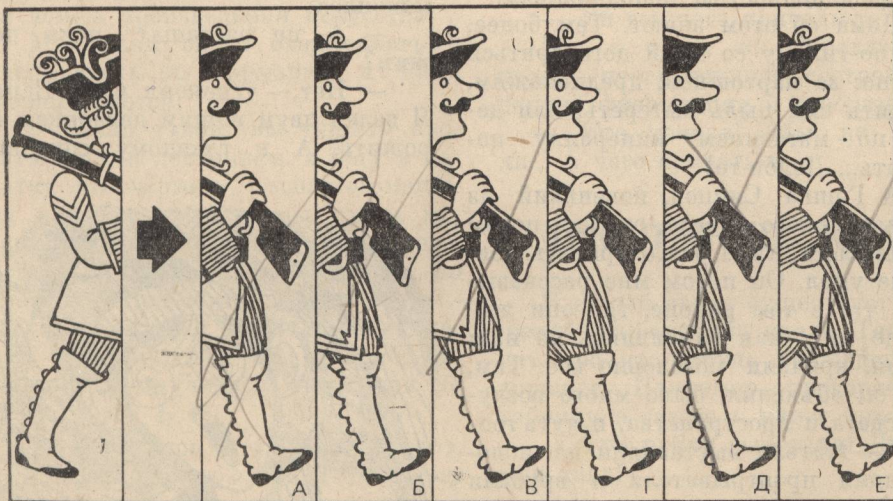
1. В моральном падении Серёжи, безусловно, виноват его отец — Д. А. Иванов. Но может быть, не только он? Кто ещё, по вашему мнению, способствовал своими действиями — или бездействием — тому, что произошло с Серёжей?

2. Что, по-вашему, нужно сделать, чтобы мальчик стал другим? И кто в первую очередь должен активно вмешаться в судьбу Серёжи?

Ждём ваших писем.

узелок

Рис. Д. МАЙСТРЕНКО
Текст Ю. БУКОВА

НАЙДИ ПОЛОВИНУ

Барон Мюнхгаузен рассказывал, что однажды с ним произошёл такой случай. Отправился он на охоту. А полоружья забыл. И полкамзола оставил дома. И половину шляпы. Даже усы забыл. Вернулся в замок, а там — вот чудо! — шесть его забытых половинок!

Помогите Мюнхгаузену найти нужную половину.

Три „альп-узла,,

ЧЕГО КРИЧАЛИ-ТО?

На меня кричать нельзя. То есть, конечно, можно — но бесполезно. Я, если на меня кричат, сразу деревенею. Стою столбом, ничего не сообщая и делать ничего не могу.

Я сам нашёл объяснение этому факту. Причина — строение моего черепа. У меня — жутко высокий лоб, и если бы в голове у меня мозгов было доверху, я был бы гений. А я не дурак, разумеется, однако человек вполне нормального ума. Значит, как я понял, у меня между мозгами и черепом есть свободное пространство. Когда на меня кричат, в этом пространстве возникает эхо, на что-то там оно давит, и я становлюсь полностью неподвижным.

Дома об этом знают. Тем более, что по-тихому со мной договориться можно: за картошкой, предположим, сходить или пыль вытереть, или деду по магазинам минералку поискать... Делов-то!

А Гошка Синцов, новенький из параллельного класса, он, как потом выяснилось, тихо разговаривать вовсе не умел. Он потом мне рассказывал, что в том районе, где они жили до того как обменялись на наш район, кричали поголовно все. Там, как он объяснил, было много воздуха, света и пространства, и чуть тепело — жители выставляли на подоконники проигрыватели и врубали их на полную мощность.

Я на всякий случай запомнил этот район: мало ли как жизнь сложится, так чтобы там случайно не поселиться.

В один прекрасный день пришёл я из школы, поел по маминей записке, вдруг — звонок в две-

ри. Ваня Стародубцев, наш председатель совета отряда.

— Митька, — командует, — объявляю сбор металлолома. Быстро — во двор.

Я говорю:

— Ваня, металлолом у нас назначен на апрель. А сейчас не то мес-сячник вежливости, не то неделя чистых рук и ушей...

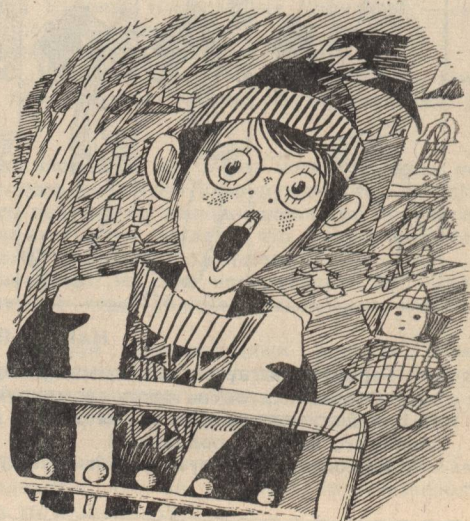
Стародубцев усмехнулся и спрашивает:

— Ты по грибы в лес когда ходишь? Когда назначено или когда грибы есть? Так вот, в нашем доме уезжают из двадцать третьей квартиры, а потому вытащили к помойке всякое металлическое барахло. Сечёшь?

Я, конечно, усёк и даже забеспокоился:

— А не растащат, пока добежим?

— Нет, — успокоил меня Ваня. — Я велел двум нашим девчонкам сторожить. А к главному сокровищу

ещё одного поставил — из параллельного класса.

— А он-то чего для нас старается?

— А он новенький, пока ни с кем не знаком, попросили поучаствовать — он и рад, как не знаю кто!

Вышли мы, смотрю: девчонки возле старых кастрюль, как часовые, стоят. А ещё в куче утюги старинные с дырками по бокам, и печка, тоже интересная: маленькая, на паучьих ножках, а труба при ней — прямо как с океанского парохода.

Но Ваня не дал мне на эти чудеса посмотреться, тянет меня дальше, в следующий двор (у нас в доме их три, и все проходные), а там, возле подвала, вижу я того, из параллельного, и — кровать. Он-то ладно, парень как парень, а вот кровать! Чудо века! Ножки — на колёсиках, куда ложиться — сетка, хитро сплетённая из проволоки, одна спинка повыше, другая пониже и на каждой — блестящие шары и шарики. Обалдеть!

Я спрашиваю Ваню:

— Шары тоже сдадим?

Он подумал и говорит:

— Шары отвинтим. Шары — это не лом, а произведения искусства.

Мы стали шары отвинчивать и распихивать по карманам, а Ваня распоряжается:

— План такой: вы тащите кровать туда, к девчонкам, я бегу в палатку вторчермета, вызываю машину или беру тачку, мы сдаём металл, берём квитанцию. А в апреле, когда остальной народ пойдёт по квартирам кланчить пробки от пепси-колы, мы, как джентльмены, станем тренироваться на «спасибо-пожалуйста» и учиться мыть уши до пояса!

Распорядился и убежал. А этот, из параллельного, восхитился ему вслед:

— Ну, — говорит, — молоток...

И вот берёмся мы с ним за спинки кровати, я за ту, что повыше, он за ту, что пониже, и он вдруг как заорёт:

— А ну, давай! Подымай! Тащи! Волочи!

Я, натурально, тут же одеревенел.

А он опять:

— Ты, что ли, передом пойдёшь?! Или я передом пойду?! А ну! Давай! Разворачивайся!

Я вцепился в металлические прутья и, честное слово, как вырубился.

А он:

— Ты оглох, что ли? Чего стоишь? А ну, двигай!

Тут я в ответ тоже как заору:

— Не смей на меня кричать! Не видишь, что ли, что я крика не переносу?! Физически! Не ори!!!

И стало тихо.

Слышно, как голуби под крышей ворчат и где-то на пианино блямякают.

Наконец он почти шёпотом, как в больнице, спрашивает:

— Кто передом пойдёт?

И я почти шёпотом, как в больнице, отвечаю:

— Мне удобнее, у тебя там люк рядом...

Я поворачиваюсь и берусь за кровать руками назад. И тут вижу: бегут наши девчонки и Ваня Стародубцев:

— Эй вы, чего кричали-то?

Мы с этим, из параллельного класса, переглянулись, соорили дурацкие физиономии и говорим:

— Кто кричал? Мы не кричали... А чего кричать-то!

ДРЮНЕЧКИН КЛАД

В нашей семье существует выражение: «дрюнечкин клад». Так говорят про что-нибудь неожиданное и хорошее. Например, проверяет дед таблицу в газете и вдруг кричит:

— Три рубля выиграли! Дрюнечкин клад!

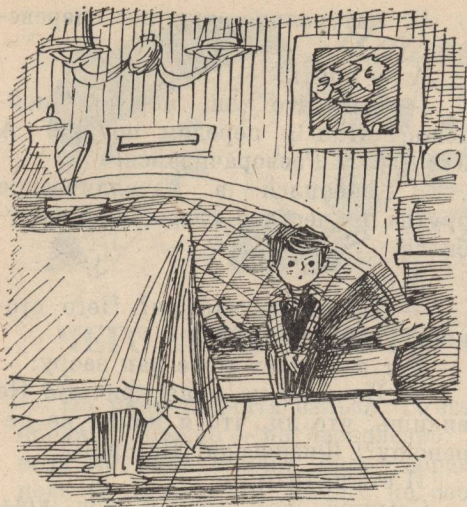
Или приходит мама с работы, а папа, оказывается, всё пропылесосил. Мама изумляется:

— Ну, дрюнечкин клад...

Я однажды спросил маму:

— Что за дрюнечка? Какой такой клад?

Мама смутилась.

— Если по-честному, — отвечает, — я и сама не знаю. Когда за папу замуж вышла и поселилась в их семье, у них этот «дрюнечкин клад» был в полном ходу. Наверное, какая-нибудь деревенская поговорка, дед-то наш — родом из деревни... Ты его спроси!

Я пошёл к деду.

— Дед, — говорю, — да что это за клад, в конце-то концов? И что за дрюнечка его закопала или, наоборот, откопала?

И дед смутился.

— Понятия, — говорит, — не имею. В бабушкиной семье так выражались. Сам я до войны, как ты знаешь, успел только сельскую школу закончить. А бабушкины родители — люди интеллигентные, с высшим образованием. Я думал, «дрюнечкин клад» — это из какого-нибудь литературного произведения, а из какого — стеснялся спросить. Потом просто привык. Ты попробуй у бабушки выяснить!

— Наконец-то! — обрадовалась бабушка. — А то муж сорок лет, как попугай, повторяет, и сын тоже, и невестка переняла... Хоть внук собрался спросить.

И вот что рассказала мне бабушка.

Однажды, перед самой войной, когда бабушка была ещё просто девочкой Аней, а наш нынешний дядя Лёня — просто её младшим братиком, к ним в дом приехала откуда-

то с юга не то знакомая родственников, не то родственница знакомых, короче — некая Изабелла Михайловна вместе с пятилетним сыном. Сына звали Андрюшей, а по-домашнему, ласково, — Дрюнечкой.

Изабелла Михайловна привезла сына для того, чтобы показать ленинградским врачам. Их, местные, не находили у него ни одной болезни, потому что были, как выражалась Изабелла Михайловна, те ещё недоучки и проходимцы. А у Дрюнечки и дыхание тяжёлое, и устаёт мальчик быстро, и спит несчастный ребёнок плохо.

Дрюня был и вправду несчастным ребёнком. Стоило ему открыть рот, как — хоп! — туда совалось печенье или кусок яблока. Попросит пить — никакой воды, только сок или молоко. Когда они направлялись на приём к очередному врачу, Изабелла Михайловна набивала про запас всякими вкусными вкусностями объёмистый ридикуль (так назывались до войны дамские сумки), будто собиралась в голодный край на много недель.

За обеденным столом Дрюня устраивал скандалы, требовал, чтобы Изабелла Михайловна блеяла козой или чтобы она, как большой пароход, гудела «у-у-у!!!» и уплывала на Северный полюс — в кухню. Изабелла Михайловна и блеяла, и уплывала, а мама Ани и Лёни в такие минуты уводила их в коридор, пока не кончалось представление. Одно хорошо было: взявшись наконец за еду, Дрюня справлялся с этим делом в один момент.

Из Ленинграда Изабелла Михайловна уезжала в горьком разочаровании. Ленинградские врачи тоже оказались специалистами липовыми: не нашли у ребёнка ни одной болезни, зато давали одни и те же советы, чтобы ребёнок меньше ел, а больше играл и бегал.

Вскоре началась война. А потом наступило страшное время: Ленинград оказался отрезанным от родной страны, и потянулись голодные, тёмные, мёрзлые недели блокадной зимы.

Аня и Лёня почти всё время проводили вдвоём. Папа был на фронте, мама сутками дежурила в госпитале. Лёне к той поре исполнилось восемь лет, и пора бы ему в школу идти, но идти было некуда: одну школу поблизости разбомбило, а в другой, большой, разместился госпиталь.

Трудно было Ане учить, а Лёне учиться. Все уроки рано или поздно сворачивались на разговор про еду. Вот садятся они друг против друга за обеденный стол. Стол — большой, старинный, красного дерева. Его можно и ещё больше сделать: под столешницей на особых полках лежат запасные доски. Ножики у стола гранёные и выгнутые, на каждой — словно копытце, бронзовое колёсико. Много чего из мебели уже сгорело в печке, а на стол ни у кого рука не поднималась. И в переносном смысле и в буквальном.

— У одного мальчика, — диктует Аня задачу, — было пять яблок. Два он отдал своему старшему брату...

Глядит, а у Лёни по щекам слёзы ползут:

— Аня... Помнишь яблоки, назывались «розмарин»? Я бы с тобой тоже поделился, честное слово.

Станут играть «в города». Лёня назовёт: «Ленинград». Аня скажет: «Дели», Лёня задумается и — на букву «и»: «Изюм!» И хотя оба знают, что и вправду есть город с таким названием, всё равно сдобные булочки с изюмом не идут с ума и оттого есть хочется ещё больше.

Однажды Лёня вспомнил:

— Где я сейчас сижу, Изабеллы Михайловниного Дрюньку обедать сажали. Она перед ним козой скакала, а нас в коридор уводили.

— Хорошо, что он хоть ел быстро, — отозвалась Аня.

— Дрюнечка очень быстро ел, — задумчиво протянул Лёня. — Не хотел, не хотел, кривлялся-кривлялся, потом вдруг — р-раз! — и тарелка пустая. Фокус-покус...

Лёня сполз со стула и начал вонзиться под столом.

— Аня, — раздался оттуда его голос, — Аня, тут целый клад!

И Лёня начал выгребать из стола и складывать к Аниным ногам засохшие булочки с засохшим сыром и засохшей икрой, сморщенные не то овощи, не то фрукты, какие-то пропылённые комки и россыпи.

У Ани закружилась голова. Но она быстро взяла себя в руки. Запретила Лёне грызть грязные куски и стала быстро растапливать печку. Вскоре они уже ели суп, горячий, мучнистый и солоноватый, ели не спеша, растягивая удовольствие и облизывая ложки. Они знали: придёт мама, можно будет ещё супу сварить. Если Дрюнечкин клад тратить по-умному, хватит, наверное, дней на десять, а то и на две недели...

— Ты, Дима, первый, кому я это подробно рассказала, — призналась бабушка. — Деду, как только пожевились, попробовала рассказать кое-что про блокадную жизнь. А ночью проснулась и вижу: ходит он по комнате туда-сюда, туда-сюда, на скулах желваки, в глазах — слёзы. Я и зареклась беречь старое. Дядя Лёня среди своих на эту тему тоже не очень-то распространяется. Вот и ты, смотрю, притих, глаза опустил...

Это точно, что я глаза опустил. Потому что на бабушку взглянуть не смею. Мы ведь до сих пор обедаем за тем столом. Так вот, там, где лежат раздвижные доски, теперь мои «сокровища» сохнут, жухнут и пылятся! Меня, правда, насильно никто есть не заставляет. Просто глаза у меня завидующие, руки загребушие, а живот не резиновый. А кусков на тарелке в нашей семье оставлять не принято.

«Ладно, — думал я, — как-нибудь одним разом этот мусор выгребу и — на помойку».

Вот тебе и мусор... Вот тебе и на помойку...

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

Ездил я навещать родную тётку. С тех пор как она получила квартиру в новостройках, это превратилось в целое событие. Едешь с двумя пересадками!

На обратном пути сел в трамвай. На дворе июнь, середина дня, вагон почти пустой.

Вижу, какая-то женщина с девочкой-дошколяшкой подошла к передней двери, готовится выходить.

А через проход от меня сидит старушка, такая суетливая, беспокойная: то в своей сумке роется, то в окно глядит, то кругом озирается... Не знаю, что уж она углядела на девочке, только вдруг громко так, на весь вагон заявляет:

— Детский лишай, мамаша, вылечить проще простого: на столовую ложку уксуса — чайную ложку соли, развести и примачивать.

Тут как раз остановка, двери раскрылись, женщина с девочкой вышли. А старушка не унимается:

— Нипочём слушать не хотят! Детский лишай вылечить — тьфу: значит, берёшь столовую ложку уксуса, разводишь в ней чайную ложку соли...

А ещё одна старушка, она впереди меня сидела, поворачивается к той старушке и вроде бы подтверждает:

— Вот и я о том же толкую! Оконные стёкла надо мыть исключительно мелом! Химия чистоты не даёт, она только грязь полирует!

А сзади ещё одна старушка голос подаёт.

— Собак,— говорит,— разводят каких-то несусветных. Да ещё стригут их, господи прости, не по-людски. Не поймёшь, где у ней нос, где хвост...

И они втроём, одновременно, принялись говорить каждая про своё: одна — про лишай, другая — про оконные стёкла, третья — про несусветных собак.

У меня, когда вышел пересаживаться на метро, прямо в ушах звенело.

Прошло лето, настала осень. Как-то маму навестила её подруга тётя Зина. Сидим, пьём чай. Тётя Зина рассказывает про то, как её сынишка в пионерлагере отдыхал, и вот беда — лишай подцепил...

Тут я чувствую, что у меня в голове начинается звон...

— Тише,— говорю,— дайте сосредоточиться!

Закрываю глаза и принимаюсь бормотать:

— Собак развели несусветных да ещё и стригут не по-людски...

Мама дёргает меня за рукав:

— Дима, что с тобой?

А я продолжаю.

— Стёкла,— говорю,— надо мыть исключительно мелом: химия чистоты не даёт, только грязь полирует. А детский лишай — он же лечится совсем просто! Столовая ложка уксуса, в ней развести чайную ложку соли и примачивать...

Мама ахнула:

— Откуда ты всё это взяла?

— Нормальная,— отвечаю,— житейская мудрость. Народная.

Спустя две недели звонит тётя Зина, просит к телефону персонально меня.

— Димочка, голубчик, огромное тебе спасибо! Всё у сына прошло, как будто и не было. Теперь вот что, напомни-ка мне про оконные стёкла...

— Сейчас,— отвечаю.— Значит, так: собак развели каких-то несусветных...

Владимир ПРОТАСОВ

И отгудят солидные шмели,
Отпляшет бабочка
Над разноцветным лугом.
И гуси вереницей, друг за другом,
Потянутся опять на край земли.
Их крылья режут
Мякоть серых дней.
Мы взглядом их проводим
В путь далёкий.
И долго-долго крик их одинокий
Звучит над тёмной пустотой полей.

* * *

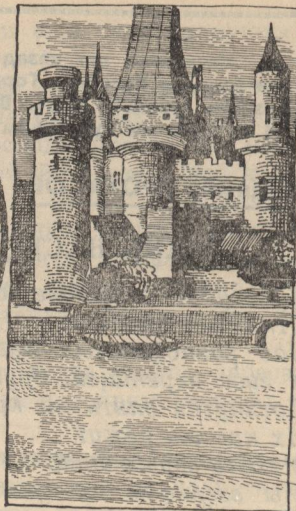

Клён у дома моего
Веткою стучит в окошко.
Неподвижно смотрит кошка
Из окошка на него.
Снова осень. Стынут лужи,
Сохнут лужи на ветру.
Ждём зимы, ветров и стужи
С вьюшкой дымной поутру.

* * *

[illegible]

Рис. Л. Уральской

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Свадьба в понедельник

В то великолепное солнечное утро, понедельник, 18 августа 1572 года, не только со всего города, но со всех окраин и предместий стекался на остров Сите парижский люд. Каждому хотелось взглянуть на свадьбу гугенота с католичкой.

Одно удивляло: почему свадьбу назначили на понедельник? Кто по понедельникам играет свадьбы? Не к добру это!

Невеста тоже считала, что эта свадьба добром не кончится.

— Вы обманули меня! — кричала она матери. — Я доверилась вам, а вы... Умереть должна была не Жанна, а её сынок, Наварра.

— Нет, дочка, — оправдывалась Екатерина Медичи, — Наварру нельзя и пальцем тронуть. Гугеноты пока слишком сильны. Мой стрелок медленно заряжает аркебузу. Он опоздал с выстрелом. Но поверь, он его ещё делает.

— Когда?! Завтра будет уже поздно.

— Очень скоро ты останешься вдовушкой, — успокаивала её мать. — Но сначала мы прицелимся в другого человека.

Со свадьбой спешили. В Риме про-

изошли чрезвычайные события: внезапно скончался папа Пий V, вместо него наместником бога на земле избрали Георгия XIII. Маркиз де Бук привёз в Париж благословение на брак от Пия, а как отнесётся к свадьбе новый папа?

— Мой дорогой маркиз! — такими словами встретил Карл IX вернувшегося из Рима Базиля. — Я не спрашиваю, как вы это сделали. Но чем я смогу отблагодарить вас?

— Мне ничего не нужно, сир, — с поклоном ответил Базиль. — Рад, что сумел оказать вам услугу.

— С каждой минутой вы мне всё больше нравитесь, маркиз! — воскликнул король. — Я буду вашим должником. Отныне любая ваша просьба будет выполнена незамедлительно. Какой бы она ни была, пусть самой невероятной. Я умею быть щедрым. И ещё вы получаете исключительное право входить в мои личные покои в любое время.

... — Да здравствует король! — покатилося волнами по площади, когда Карл IX прошествовал по высокому помосту к своему трону под балдахинном.

Появились жених и невеста — и это вызвало у толпы новый взрыв восторга.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 5, 6, 8, 9, 10.

Генрих Наваррский и красавица Маргарита шли к венцу с высоко поднятыми головами.

— Именем господи нашего Иисуса Христа, — начал свадебный обряд кардинал Бурбонский, — соединяю вас...

Пока он напевно произносил красивые слова, Наварра не спускал с невесты глаз. Но Маргарита стояла, потупив глаза, и явно нервничала.

— Нельзя на собственной свадьбе выглядеть такой сердитой!

Краска на щеках невесты стала ещё ярче.

— Улыбнитесь, Маргарита. Сейчас нам целоваться перед всем Парижем.

Во всю силу звенели над пло-

щадью колокола. Сопела стража, сдерживая напор толпы. Из толпы выкрикивали:

— Ловко целуются!

— Поцелуй её ещё разок, Наварра!

Красиво началась свадьба на площади перед собором Нотр-Дам!

Но когда пышная процессия потянулась в собор, Генрих Наваррский и его приближённые отказались от причастия.

— Мы тверды в своей вере! — сказали гугеноты.

— В день бракосочетания Наварра мог бы пойти и на уступки, — зароптали католики.

Впрочем, чего можно ожидать от свадьбы, которую играют в понедельник?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Запоздавший выстрел

Когда через четыре дня после свадьбы Маргариты и Генриха Наваррского у Карла IX попросил аудиенцию адмирал Колиньи, просьба королю не понравилась.

— Неугомонный старик, — буркнул он. — Своё отжил, теперь мешает жить другим.

Но, встретив адмирала, Карл дружелюбно похлопал его по плечам. Однако разговор, который завёл адмирал, не понравился королю ещё больше, чем его приход. Естественно, кто любит, когда у него просят денег?! А речь шла о деньгах, которые нужно было заплатить немецким ландскнехтам. Адмирал нанимал их воевать против Карла, но до сих пор не выплатил жалованья: кошелёк адмирала пуст. Ландскнехты волнуются. Чтобы избежать возможных конфликтов, им нужно как можно скорее уплатить обещанное и отправиться домой.

Получалось чёрт знает что! Адмирал вербовал за границей войска, чтобы разбить его, Карла. А теперь просит уплатить этим войскам деньги. Следовало бы сказать, что здесь не торг победителя с побеждённым. И коль адмирал сам нанимал ландскнехтов, пусть сам с ними и распла-

чивается. Но, с другой стороны, и отказать адмиралу было опасно. Ландскнехты стоят под ружьём. Если среди них начнутся волнения...

Стараясь не показывать своего состояния, Карл сказал, что королевская казна целиком в распоряжении адмирала, что Карл по-прежнему любовно относится к нему, считая своим другом и отцом.

Адмирал отправился в свой особняк, но по дороге его настигли два выстрела.

— Стрелок целился оттуда, — не теряя самообладания, показал адмирал, когда к нему подбежали его верные гугеноты.

Над решёткой окна, куда указывал адмирал, ещё висел синий дымок. Но у того, кто стрелял, оказалась наготове резвая лошадь. Стук её копыт затерялся в переулках столь быстро, что мысль о погоне отпала сама собой.

— Это Гизы! — вскричали возмущённые гугеноты.

— Мы отомстим!

— Успокойтесь, друзья, — сказал адмирал, превозмогая боль. — Мой юный друг король Карл Девятый сам достойно накажет преступника. Я в этом убеждён. Я только что был у

«Истекающего кровью адмирала донесли до дома и уложили в постель».

короля и ещё раз имел счастье видеть его дружелюбие.

Истекающего кровью адмирала донесли до дома и уложили в постель. Срочно вызвали врачей. Поставили в известность короля.

— Подлецы! — закричал Карл. — Кто посмел?

Первыми попали под подозрение, естественно, Гизы — Генрих Гиз, возлюбленный Маргариты, его брат и его дядя кардинал Лотарингский.

— Никакой пощады! — ревел Карл. — Пусть вся Франция, весь мир узнает, что для меня нет ничего невозможного! И герцоги, и кардиналы обязаны нести суровое возмездие, если они осмелились встать на пути короля. Взять всех троих. Пытать! И четвертовать!

— Не торопитесь, ваше величество, — подала голос Екатерина Медичи. — Как бы вам не совершить опасную ошибку. Покушение на адмирала, вы правы, действительно организовали Гизы. Но они исполняли

чужую волю. Если вы арестуете их, Гизы скажут, что они выполняли мой приказ.

— Ваш?

— А вы и я, ваше величество, пока одно целое, — добавила Екатерина. — Это мы с вами стреляли в адмирала. Надеюсь, вы не станете преследовать Гизов за то, что они выполняли наш приказ?

— Но зачем это нужно было делать?

— Чтобы он не выстрелил в нас первым.

— И что же теперь?

— Теперь необходимо добить гугенотов, пока они не опомнились и не узнали, по чьему приказу раздалась выстрелы.

Карл понял, что гугеноты и в самом деле не поверят, что король не причастен к покушению. Выход был один — опередить их.

Судя по всему, до счастливого вдовства Маргариты и в самом деле оставалось совсем немного.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ночь под праздник святого Варфоломея

Вечером 24 августа, в воскресенье, накануне праздника святого Варфоломея, горбатый звонарь церкви Сен-Жермен-д'Оксерруа, ворча и кашляя, карабкался на колокольню.

— Если они хотят, чтобы я им как следует позвонил, — бормотал он, — я им с великим удовольствием позвоню. Мне не жалко.

И над Парижем поплыл перезвон колоколов, тон среди которых зада-

вал большой басовитый колокол. Парижане знали: если басовитый колокол на колокольне Сен-Жермен-д'Оксерруа начинал гудеть слишком густо, быть великой беде, вроде чумы или вражеского нашествия.

— Все готовы? — услышав набат, перекрестился герцог Генрих Гиз. — Двинулись!

И вскоре парижские улицы заполнили толпы вооружённых людей. К ним присоединялись и правоверные католики из числа парижских обывателей. У каждого на головном уборе красовался белый бант, а на руке — белая повязка. То был условный знак. Всех, кто оказывался без повязки и банта, требовалось уничтожить.

Бряцанье пик и мушкетов, шпата и аркебуз, топот коней и громкие крики, солёные шутки и сочная брань возбуждали толпу. Коптящее пламя факелов лихорадило воображение. Крепкие напитки кружили головы. Ведь набат загудел как раз в конце воскресенья.

— Бей гугенотов! — катилось в ночи.

Кольцо факелов сомкнулось вокруг особняка адмирала. Немногочисленную охрану быстро смяли. Разделавшись с ней, пустили в ход колья и дубинки. Под мощными ударами затрещали двери адмиральского особняка.

— Помните, ребята, — напутст-

вовал своих орлов герцог, красиво восседая на белом коне, — адмирал не должен уйти. Я хочу увидеть его труп. И тогда город ваш. Тогда вы можете убивать всех и брать всё. Весь Париж ваш! Смелее, бесстрашные!

Двери уже выломали и теперь приступом брали лестницу. Слышались грохот, ругань и звон стали.

Когда атакующие ворвались в спальню, раненый адмирал, превозмогая боль, встретил их стоя. Но первый же удар сбил его с ног. Его, лежащего, добивали на ковре шпатами и кольями.

— Как там, ребята?! — кричал снизу, со двора, Генрих Гиз.

— Готово, ваша светлость! — отвечали ему.

— Давайте его сюда!

Бездыханное тело проволокли за ноги к балкону и швырнули через ограду.

— Тело адмирала сберечь! — приказал герцог. — Я должен показать его королю. В особняке долго не задерживаться! Вперёд, мои отважные! За мной!

Подковы коня ударили о камень, высекая искры. Вслед за вождем, хищно горланя, хлынула толпа тех, кому не досталась пожива в особняке адмирала.

— Бей гугенотов! — изрыгали глотки.

За воротами люди разбивались

«— Вы можете убивать всех и брать всё. Париж ваш! Смелее, бесстрашные!»

на небольшие группы, у каждой из них тут же выявлялся командир. Одну из таких групп возглавил капитан Жерар де Жийю.

— Слушай мою команду! — кричал он. — Не упускать друг друга из виду. Не шадить ни женщин, ни стариков, ни детей. Раненых добивать. Таков приказ.

Он был отличным служакой, капитан Жерар де Жийю, он умел точно выполнять приказы. А потому гибли все, кто был без белой повязки и белого банта.

И в доме Люсьена Ледрома, куда они ворвались, капитан переколол всех детей прямо в постелях. Погибли все. Лишь глава семейства, сам Люсьен Ледром, не пострадал. Той

ночью в тюрьме было слишком много работы, и он не возвращался домой. Да ещё увернулся от шпагатовый Жан Жак.

— Я думал, вы отважный воин! — крикнул мальчуган, юркнув за дверь. — А вы всего-навсего грязный убийца!

В мгновение ока он оказался на крыше дома.

— Огня! — кричал капитан. — Где факельщики?

Когда прибежали факельщики, Жерар де Жийю выстрелом из пистолета сбил мальчугана с крыши. Пуля попала Жан Жаку в живот.

Так погиб славный мальчишка, верный друг Жоффруа Валле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Да здравствует месса!

За полночь доложили Карлу IX, что адмирал Гаспар де Колиньи убит и его труп валяется во дворе особняка на улице Засохшего дерева.

— Слава тебе, господи, — перекрестился Карл. — А как Наварра?

— Сейчас покончим, ваше величество, — пообещали монарху.

У короля сердито топорщились усы, он зябко кутался в шерстяной плащ. Дело в том, что ночью король любил спать — для государственных дел ему вполне хватало дня.

— Разожгите поярче огонь, — кивнул он на камин. — Усиьте у моей спальни стражу и докладывайте каждые пять минут.

И ему докладывали: кого убили, как убили, и как много их, убитых, этих проклятых гугенотов.

Наконец открылся путь и к спальне Генриха Наваррского. Если не считать последнего заслона — полутора десятков отборных драчунов из личной охраны вождя гугенотов.

У дверей спальни завязалось настоящее сражение. Было тесно, пускаться в ход пистолеты боялись. Ритмично звенела сталь.

Сюда же примчался и Карл. Он не вытерпел столь длительного ожидания.

— Быстрее! Быстрее! — подбадривал он. — Я хочу увидеть Наварру мёртвым.

— Сейчас вы его увидите, сир! Рывок, ещё один, последний...

Массивная дверь в спальню отворена. Но неужели Генрих спит? Неужели не слышит шума за дверью? Конечно, нет, слышит.

Как только нападающие распахнули в спальню двери и туда одним из первых ворвался нетерпеливый Карл, Генрих Наваррский бросился королю на шею.

— Мой любимый брат! — пролепетал он. — Как хорошо, что ты пришёл ко мне. И как раз в такую важную минуту! Я размышлял всю ночь. И сам собирался к тебе идти. Знаешь, что я надумал? Я порываю с протестантством. Отныне я — католик. Хватит разногласий! Я хочу быть вместе с тобой.

— Анрио... — пролепетал потрясённый Карл, — но мы... Ты понимаешь? Гугеноты затеяли против меня заговор. Я узнал. Мы должны были перебить всех до единого.

— И перебьём! — воскликнул Генрих. — В чём же дело? Смерть гугенотам! Да здравствует месса!

(Окончание следует)

Луис работал в своей маленькой лаборатории на задворках университета, когда в дверь с уверенной настойчивостью постучали, и едва Луис крикнул: «Войдите!», как на пороге возник доктор Харрингтон.

Луис сразу узнал его, хотя поверить в то, что доктор Харрингтон собственной персоной может оказаться здесь, в этой крошечной лаборатории, было почти невозможно. От неожиданности и удивления Луис, кажется, забыл поздороваться. Ещё там, за океаном, где Луис семь лет учился и работал, он хорошо знал о том ореоле славы, которым было окружено имя доктора Харрингтона. Последний раз они виделись во время торжественного выпускного акта, когда доктор пожал Луису руку и сказал несколько ничего не значащих слов. Луису никогда не доводилось работать под непосредственным руководством Харрингтона, и он даже не был уверен, что этот знаменитый учёный, отягощённый десятками забот и обязанностей, может помнить его. И потому столь невероятным выглядело его появление здесь, в этой жалкой лаборатории.

— Я понимаю, вы удивлены, — сказал доктор Харрингтон. — Но у меня мало времени, давайте не будем тратить его на эмоции, перейдём сразу к делу. Я ведь могу считать вас своим учеником, а, Луис?

— Я буду этим польщён, доктор, — сказал Луис.

— Не хочу скрывать, Луис, мы давно уже присматривались к вам. Такие люди, как вы, нам нужны. Одним словом, я пришёл сюда, чтобы предложить вам контракт. Вы будете работать в моей лаборатории. Ну? Что вы скажете?

— Это... это так неожиданно... — пробормотал Луис.

— Скажу сразу: у контракта, который мы предлагаем вам, есть некоторые особенности. Первое: контракт заключается на пять лет. Второе: в течение действия контракта вы не будете иметь права покидать не только пределы нашей страны, но и пределы лаборатории, или точнее —

пределы научного городка, где станете жить и работать.

— Это немножко напоминает тюрьму, — неуверенно пошутил Луис.

— Скажите лучше: башню из слоновой кости, — тут же откликнулся Харрингтон. — Но разве любой учёный не мечтает о такой башне? Не мечтает об уединении и максимальной сосредоточенности? Мы дадим вам эту возможность.

Только теперь Луис спохватился, что так и не предложил гостю сесть. Он торопливо придвинул круглую табуретку.

— Простите, доктор Харрингтон, — сказал Луис. — Могу ли я задать вам один вопрос?

— Разумеется, можете, — ответил доктор Харрингтон. — Но это вовсе не значит, что я вам на него отвечу. Так что же вы хотели спросить?

— Я хотел спросить: почему именно я?

— Что ж, на этот вопрос я вам ответить могу. Только не думайте, что вы у нас — один-единственный. Вы — один из немногих, это верно, и мы, повторяю, давно к вам приглаждаемся. Думаю, мы знаем о вас больше, чем вы сами о себе. Мы не можем позволить себе тратить деньги впустую, а вы, надеюсь, догадываетесь, что те условия, которые мы готовы вам предоставить, стоят немалых затрат. К тому же мы берём на себя обязательства. Наш контракт гарантирует возможность наиболее полного развития вашего таланта. И это не пустые слова. Тот, кто приходит к нам, обладая способностями, через два года становится талантливым, тот, кто приходит, имея за душой талант... нет, я не стану утверждать, что такой человек становится гением, но в его работах появляются проблески гениальности — это несомненно!

— Я бы согласился... сейчас же, сразу, не раздумывая, — сказал Луис, — если бы не одно личное обстоятельство, впрочем, оно не должно вас касаться... Но скажите, доктор, всё то, о чём вы сейчас говорили, не выглядит ли слишком фантастич-

ным? Или вы обладаете каким-то секретом?

— Дело не в секретах, — сказал Харрингтон. — Просто мы обладаем теми возможностями, которыми не обладают другие. Только и всего.

— Не сердитесь, доктор, — сказал Луис, — но мне нужно подумать, посоветоваться...

Доктор Харрингтон сочувственно покивал.

— Я понимаю. Пять лет — это пять лет. Однако учтите: вы ничем не рискуете. Ещё одна особенность нашего контракта состоит в том, что в любой момент его можно аннулировать. Вас не станут удерживать и не заставят платить неустойку. Но скажу вам правду: ещё ни один человек не покидал нас по собственной воле до окончания контракта.

— Вы говорите так, — усмехнулся Луис, — словно соблазните меня продать душу дьяволу.

— Ну, отчего же — дьяволу? Только науке!

— Простите, доктор, я пошутил. Но всё так неожиданно, что тут поневоле растеряешься. Наверное, это глупо с моей стороны так вести себя — колебаться, раздумывать... Но что скажут мои друзья? Я ведь не для того учился все эти годы, чтобы снова покинуть свою страну. Есть ли у меня на это право?..

— Бросьте, Луис, — сердито оборвал его доктор Харрингтон. — Я понимаю: долг перед родиной — с этим нельзя не считаться. Но подлинная наука не знает границ. Мы служим человечеству. И посмотрите, что вы можете здесь?.. — Доктор Харрингтон быстрым взглядом окинул крохотную лабораторию. — А в конечном счёте всё пойдёт в общую копилку.

— Да что вы уговариваете меня! — воскликнул Луис. — Неужели я и сам не понимаю, что такой выигрыш выпадает раз в жизни?! Но... Если бы не это «но»...

— Хорошо, — сказал доктор Харрингтон, вставая. — Я жду до завтра. Завтра вы найдёте меня в отеле «Виктория» и сообщите ваше решение. Я надеюсь, оно будет разумным. — И, уже пожимая руку Лу-

ису, добавил: — Мне нравится, что у вас есть характер. Я ценю вашу привязанность к родине. Но наука — жестокое чудовище, оно не признаёт половинчатости, оно требует всей жизни. Или — или. Третьего не дано.

С этими словами доктор Харрингтон вышел из лаборатории.

Они встретились в маленьком кафе на набережной океана.

Мария слушала его с напряжённым вниманием, румянец выступил на её щеках, восторженность в её глазах сменялась тревогой, а тревога — снова восторженностью.

— Я всегда верила, что тебя ждёт большое будущее, — сказала она, едва Луис замолчал. — Поезжай, Луис, поезжай. Что тут раздумывать. Не сомневайся. Это счастливый случай. Это судьба. Больше такого не повторится.

— А как же ты, Мария?

— Я буду ждать. Пять лет пролетят быстро, вот увидишь. Я буду ждать и мечтать о том дне, когда ты вернёшься.

— Я знал, что ты так скажешь. — Он притянул её руку к губам и поцеловал. — Я знал. И всё-таки мне горько...

— Ты вернёшься великим учёным, в ореоле славы и известности. Разве за это не стоит заплатить пятью годами ожидания? Но он ведь не обманывает тебя, правда?

— Доктор Харрингтон? Нет, конечно. У него мировая известность. Он работает на стыке наук. Биология и физика. Его исследования в области излучений... Я не знаю, как ему это удаётся, но идеи, которые выходят из его лаборатории, опережают время, он и его ученики словно умеют заглядывать в будущее, предчувствовать его...

— Ну вот видишь, ты уже весь там... — печально улыбаясь, сказала Мария. — И разве это удивительно? Ты талантлив, это знают все. Ты вот только что сказал: «Не знаю, как ему это удаётся...» А может быть, потому как раз и удаётся, что он умеет находить талантливых людей, что он готов пролететь тысячи километров и войти в жалкую, как ты говоришь, лабораторию, чтобы найти того, кто ему нужен...

— Да, да, верно, ты очень верно сказала: «Того, кто ему нужен... Того, кто ему нужен...», — задумчиво повторил Луис.

— Не надо усложнять, милый, — мягко возразила Мария. — Уж кому бы сейчас печалиться, так это мне. А я не печалюсь. Я радуюсь за тебя.

— Ты говоришь так, чтобы подбодрить меня, — сказал он. — Чтобы укрепить и подбодрить...

— Луис, милый! Я понимаю, тебе не даёт покоя долг перед родиной, перед народом. Ты выучился, приехал, тебя ждали, и вот теперь ты словно бы совершаешь предательст-

во. Так тебе рисуется эта картина, не правда ли?

Он кивнул.

— Но попробуй рассудить здраво: через пять лет ты возвратишься в расцвете сил, ты будешь полон энергии и у тебя за плечами — опыт работы в лучших лабораториях мира... Разве в итоге страна не окажется в выигрыше? Так за что же себя казнить?

— Пожалуй, ты права.

— Ну вот видишь! — обрадовалась Мария. — А что касается меня, так, возможно, тебе всё-таки удастся хоть ненадолго вырваться сюда? Может быть, ты уговоришь Харрингтона?..

— Нет... — Луис отрицательно покачал головой. — Я думаю, нет. На это нельзя рассчитывать.

— Почему такие строгости? Говорят, все большие учёные — ужасные самодуры. И твой Харрингтон, наверно, тоже. Какая необходимость в том, чтобы ты не мог даже выйти оттуда?

— Хотел бы и я это знать... — сказал Луис. — Хотел бы...

— Так ты спроси Харрингтона! Отчего ты сразу не спросил его? Или ты спрашивал?

Луис опять покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я не спрашивал. Но он всё равно бы и не ответил. Или сказал бы неправду. А зачем вынуждать человека говорить неправду?

— Ладно, не ломай голову, — сказала Мария. — Что бы там ни было, а я очень горжусь тобой. Очень, очень. И ты всегда это должен помнить.

— Хорошо, — улыбаясь и на мгновение прикрывая глаза, сказал Луис. — Я это помню.

На другой день в отеле «Виктория» ассистент Луис Мориолло, двадцатисемилетний подающий надежды учёный, подписал контракт, согласно которому становился сотрудником лаборатории доктора Харрингтона сроком на пять лет. При подписании контракта сам доктор Хар-

рингтон не присутствовал, его интересы представлял молчаливый человек в солнцезащитных очках и спортивной куртке.

А ещё через неделю Луис покинул родной город. На аэродроме его провожали всего три человека: Мария и двое старых — ещё школьных — друзей. В тот день светило яркое солнце, и Марии приходилось заслоняться рукой, чтобы увидеть, как Луис, высокий, широкоплечий, стройный, легко взбегает по трапу, как ветер шевелит его волосы, как поворачивает он голову, чтобы в последний раз оглянуться на тех, с кем предстоит ему долгая пятилетняя разлука, как прощально машет смуглой рукой...

Когда Мария уверяла Луиса, будто пять лет пролетят быстро — и не заметишь, она, конечно, знала, что на самом деле всё будет совсем не так. Но она и предположить не могла, что эти годы станут тянуться с такой бесконечной томительностью.

Время от времени она получала от него — нет, даже не открытки, а скорее теле- или радиограммы, из которых явствовало, что он жив, здоров, помнит и любит. Мария хорошо знала, что, когда он увлечён работой, никто и ничто не сможет заставить его сесть и написать обстоятельное письмо. Так что спасибо и за эти торопливые строчки. А когда в своём письме она всё же спросила — не смог ли бы он выбраться пусть даже на самое ничтожно короткое время? — он ответил так же лаконично, как и прежде: «Исключено». И она поняла: значит действительно исключено, значит ничего не поделаешь.

И дела у Луиса, судя по всему, шли успешно. Во всяком случае, его имя нет-нет да и проскользнёт в газетах, в телепередачах, в научно-популярных журналах, которые приносили Марии друзья Луиса. «Эффект Мориолло...». «Гипотеза Луиса Мориолло...». «Формула Луиса Мориолло...»

А между тем шёл лишь третий год контракта.

— Это невероятно, — говорили друзья Луиса. — В это невозможно поверить. Чтобы за два с небольшим года человек, пусть он трижды талантлив, мог достичь столь многого... Это выше человеческих сил. И это ведь лишь то, до чего добираются журналисты. А ведь наверняка есть ещё и такое, что держится в секрете, что не выходит до поры до времени из стен лаборатории. И как раз то, что не подлежит огласке, чаще всего и оказывается самым важным, самым значительным. Так что можно себе представить... Нет, нет, это не поддаётся никакому воображению!

— Не хотите же вы сказать, что Луис приписывает себе чужие открытия? — с обидой спрашивала Мария.

— Нет, конечно. Но... Всё это слишком фантастично... просто необъяснимо...

«Они говорят так, потому что завидуют Луису», — думала Мария. В душе она гордилась тем, что в своё время не помешала ему принять предложение Харрингтона. «А ведь если бы я очень захотела, он бы остался, он бы никуда не уехал», — говорила сама себе Мария. И это утешало её.

И всё-таки иной раз тревога овладевала ею.

Однажды ей приснилось, будто они с Луисом стоят по обе стороны пропасти и пропасть эта медленно, но неуклонно растёт. Этот сон очень точно выразил то, чего она страшилась. «Тот, кто поднимается вверх, невольно отдаляется от того, кто остаётся здесь, внизу, — такие мысли нередко одолевали Марию. — Что я ему теперь?»

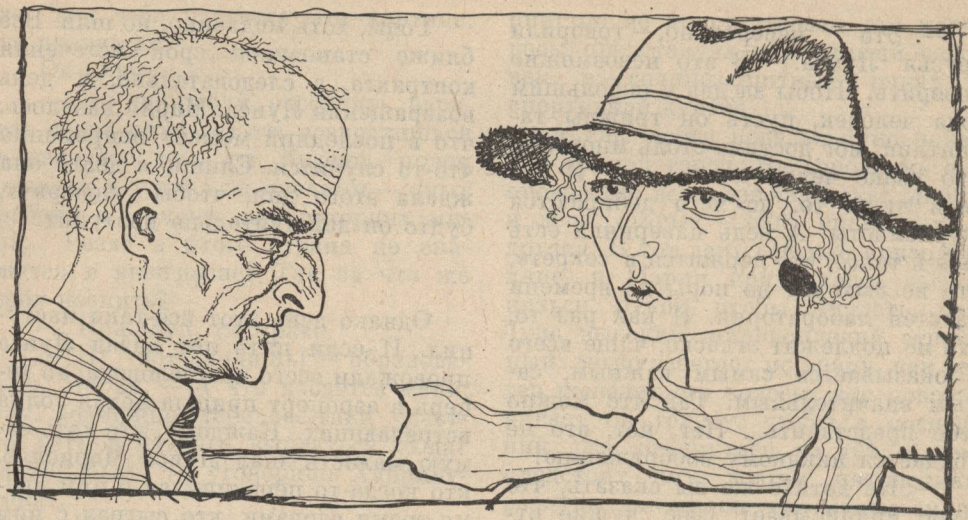
Ей казалось, что отчуждённость между ними растёт гораздо быстрее, чем идёт время. Иногда она пыталась убедить себя, что уже становится равнодушна к нему. Но стоило ей только услышать или произнести вслух его имя, и волнение охватывало её, и она понимала, что любит Луиса по-прежнему, а может быть, и ещё сильнее, чем прежде. Как-никак, а в его восхождении, в его теперешней славе была и её частица...

Годы, хоть медленно, но шли. Всё ближе становился срок истечения контракта, а следовательно, и день возвращения Луиса. Марии казалось, что в последний момент непременно что-то случится. Слишком долго она ждала этого дня, чтобы поверить, будто он действительно наступит.

Однако день этот всё-таки наступил. И если пять лет назад Луиса провожали всего три человека, то теперь в аэропорт пришла целая толпа встречающих. Каждому, кто хоть самую малость знал Луиса Мориолло, кто когда-то перекинулся с ним двумя-тремя словами, кто сыграл с ним партию в шахматы или пинг-понг, теперь хотелось быть причастным к возвращению знаменитого учёного в родные пенаты. Были здесь, разумеется, и просто зеваки, любители разного рода зрелищ: будь то проводы или встречи, похороны или свадьбы, но были и школьники-подростки, никогда прежде не видевшие Луиса Мориолло и теперь горевшие желанием пойти по его пути, достичь тех вершин, которых достиг он. Кто-то принёс портрет Мориолло — на нём Луис был в точности таким, как в тот день, когда уезжал из родного города: открытое, жизнерадостное лицо, курчавые волосы, чуть прищуренные от солнца, умные глаза...

Голос диктора возвестил, что самолёт, с которым ожидался Луис Мориолло, прибыл. Толпа встречающих всколыхнулась, задвигалась, завоновалась. Марию оттеснили в сторону, но ей всё же удалось встать так, чтобы хорошо видеть проём, где должны были появиться прилетевшие пассажиры.

Начали выходить первые пассажиры. И Мария вся превратилась в зрение. Раньше она думала, что это только в книгах так пишут — для выразительности. Как это можно вдруг превратиться в зрение? А теперь сама это испытала. Не было больше ни вспотевших ладоней, ни горящих щёк, ни отчаянно бьющего сердца, ни духоты, ни толпы — ничего, было только зрение, обра-

щённое в ту сторону, где должен был возникнуть Луис.

Однако его не было. Несколько раз, увидев высокую, широкоплечую фигуру, Мария вздрагивала, но тут же убеждалась, что ошиблась. Добрая сотня пассажиров уже прошла через зал, поток уже начинал редеть, прерываться, а Луис всё не появлялся.

Вдруг, похолодев, Мария почувствовала, что сбылись её худшие опасения. Что-то произошло. Что-то удержало его там, за океаном.

Вот уже последние из прибывших — одутловатая старуха, прихрамывая и переваливаясь с ноги на ногу, проковыляла к выходу.

Некоторое время толпа ещё ждала, потом начала разочарованно расходиться. Только Мария осталась, не потому, что она на что-то надеялась, просто её охватила слабость — как после сильного приступа лихорадки, да несколько подростков, перешучиваясь, сворачивали самодельный плакат, на котором было начертано большими зелёными буквами: «Луис Мориолло! Сограждане приветствуют тебя!»

— Ты не узнаёшь меня?

Она вздрогнула и обернулась на голос.

Возле неё стоял высокий худой старик. Летний светлый костюм казался на нём слишком просторным.

Старик опирался на тяжёлую трость с набалдашником. Лицо его было морщинистым, кожа под глазами набрякла и обвисла, а на голом, загорелом черепе едва колыхался слабый пухок. И только в глубоко запавших, по-старчески выцветших глазах слабо светилась усмешка, так хорошо знакомая Марии.

Марии показалось, что сейчас она потеряет сознание. Но она опять услышала его голос:

— Меня, и правда, трудно узнать.

— Боже, — произнесла она шёпотом, — что они с тобой сделали?

— Пойдём отсюда, здесь душно, — сказал он.

Они вышли на улицу и сели на ту же самую скамейку, на которой сидели пять лет назад перед тем, как проститься. Получилось это случайно или нет, Мария не знала. Да и не до того ей сейчас было.

— Ну вот я и вернулся, — сказал старик.

— Боже, что они с тобой сделали! — повторила Мария. — Что они с тобой сделали!

— Вот я и вернулся в ореоле славы и известности, — продолжал он, словно бы и не слыша её слов. — В ореоле... Разве не так?

Мария всхлинула.

— Но что с тобой? Ты болел?

— Нет. Я работал.

— Но я не понимаю... Да объясни ты ради бога, что произошло! —

Голос её срывался на крик.

— Я объясню. Но это уже ничего не изменит. — Он усмехнулся. — Дело в том, что мы не только работали, мы были ещё и подопытными кроликами.

— Но разве...

— Подожди, не перебивай меня. Помнишь, я говорил тебе, что Харрингтон и его сотрудники пытаются получить излучение, которое стимулировало бы работу мозга, убыстряя её в десятки раз? Так вот, они создали это излучение.

— И значит, вы...

— Да, мы работали под его воздействием. Мы жили в зоне этого излучения. Постоянно. Изо дня в день. Вот почему по контракту нам запрещалось покидать городок.

— И вы не знали об этом? Не догадывались?

— Нет, почему же, — и опять усмешка пробежала по его морщинистому лицу. — Я догадался об этом очень скоро.

— Но тогда... тогда... — Мария вглядывалась в его лицо, словно бы стараясь понять что-то очень важное для себя и не понимая. — Значит, вас обманули? Ведь Харрингтон говорил... что ты можешь... порвать контракт в любую минуту... Значит, он лгал? Тебя держали насильно?

— Нет, меня не держали. И доктор Харрингтон не обманул меня. Я действительно мог уехать каждую минуту.

— Но почему... почему тогда ты не уехал? Нет, я не верю! Тебя принуждали, тебя шантажировали!

— Нет! — Он хрипловато, по-стариковски рассмеялся. — Нет, говорю тебе: нет. Расчёт Харрингтона ока-

зался хитрее и проще. Ему нельзя отказать в проникательности.

— Он всё-таки обманул вас...

— Нет. Видишь ли... Я не знаю, как это объяснить убедительнее... Но понимаешь ли... Когда передо мной открылась эта возможность — работать за пределом собственных сил... мыслить с удесятёрённой энергией... когда я за один день мог сделать то, на что в другой раз мне понадобились бы недели... когда открывались такие кручи... такие вершины... Могли ли я от всего этого отказаться? Между прочим, Харрингтон был прав: ни один человек из тех, кто работал со мной, не прервал контракта и не уехал по собственной воле...

— Харрингтон попросту выжал вас! Вы отдали ему всё! Ты понимаешь — всё! — Мария почти кричала, возле них уже начали собираться люди. — Боже, что он с тобой сделал!

Старик устало прикрыл глаза. Мария вздохнула и погладила его руку. Кожа на руке была глянцеви-той и сухой — совсем как пергамент.

В эту минуту возле них раздался громкий, возбуждённый, прерывающийся от волнения голос:

— Да вот он — Луис Мориолло! Что вы мне голову морочите, говорю вам — вот он, собственной персоной! — кричал таможенный чиновник. — Он и зарегистрировался как Луис Мориолло!

«Луис Мориолло... Мориолло...» — словно бы эхом отдалось и настойчиво повторилось в разных концах аэровокзала.

В следующее мгновение к скамейке со всех сторон уже сбегались репортёры.

ПРОЧИ ЭТУ КНИГУ

Прежде всего нужно рассказать об авторе книги и об истории её создания.

6 августа 1945 года, когда американцы сбросили на Хиросиму атомную бомбу, Токэси Ито находился в городе. Он был тогда школьником, ему едва исполнилось пятнадцать лет. Пережив ужас атомной бомбардировки и страдания лучевой болезни, он, по счастливому стечению обстоятельств, остался в живых, а когда через двадцать с лишним лет вновь посетил Хиросиму, то сразу же поспешил к зданию своей школы, а потом к памятнику трёмстам школьникам, что погибли от атомной бомбы. «Я снял перчатку, — рассказывал он потом, — и провёл ладонью по именам — именам моих школьных товарищей... Они сгорели в адском пламени атомной бомбы — облетели, словно листья с деревьев... Я проводил пальцами по их именам, и мне начало казаться, что мои школьные друзья поднимают над памятником свои стриженные головы и кивают мне... И ещё я думал о том, что сам остался в живых, и какая ценная штука — жизнь, и сколь нужен мир, чтобы её сохранить, и сколь страшна атомная бомба, которая разрушает мир. И я решил: отныне и навсегда буду людям говорить об этом».

О трагедии Хиросимы Токэси Ито написал книгу, в основу которой легли воспоминания, свидетельства, документы. Читать эту книгу без волнения нельзя. Особенно потрясают записки детей — очевидцев атомного взрыва. Вот отрывки из них:

«...Над головой простиралось голубое-голубое небо. Без единого облачка. 6 августа. Где-то высоко в небе слышался рокот самолёта. Я подняла голову и стала внимательно вглядываться в небо... И тогда это случилось. Внезапно всё вокруг вспыхнуло красным, и в следующий миг будто всё небо обрушилось на меня. Мне показалось, будто я плаваю, становлюсь всё меньше и меньше и земля впитывает меня...» «...Земля, казалось, вернулась к первым дням сотворения мира, и нельзя было различить, где вода, а где твердь. Всё окутала тьма, вокруг царило безмолвие. Время исчезло! Солнце упало

с небес! Что же случилось! Что!» «...Мамочка! За какие прегрешения мне суждено было всё это в этот день испытать! Разве я такая плохая, что заслужила смерти!..»

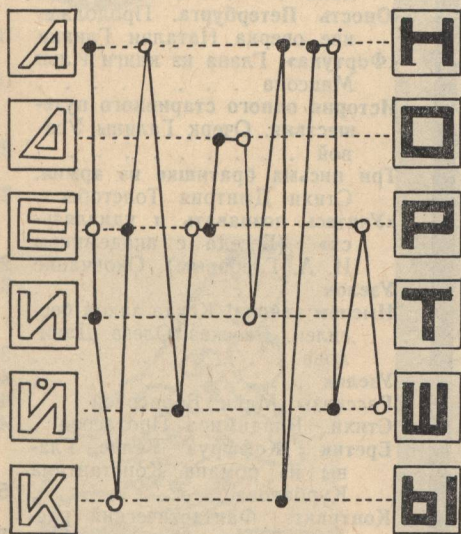
Токэси Ито задался целью выяснить, так ли были необходимы, в военном отношении, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки... После тщательного изучения фактов и документов он пришёл к выводу, что исход войны на Дальнем Востоке был к августу 1945 года предreshён и что «атомная бомба представляла собой наиболее эффективное средство давления на Советский Союз. Атомные взрывы были не заключительным аккордом второй мировой войны, а первым актом „холодной войны“».

«Мы — подопытные кролики», — с горечью констатировал Токэси Ито, когда с группой учёных ему довелось побывать в Хиросимском университете, куда американцы вернули «материалы своих атомных исследований». «Я стоял и с содроганием думал: «Неужели это сделали люди!..» С жертв атомной бомбардировки была содрана кожа, а их внутренние органы положены в банки с бирками. И всё это использовалось как материал для исследования теми, которые погубили этих людей. Вот как-то без прикрас суть атомной бомбы, сброшенной американцами!»

В книге Токэси Ито есть «Послесловие» и в нём слова, которые близки всем здравомыслящим людям на земле: «...Ради собственной жизни, ради своих детей, ради любви ко всему человечеству без различия рас и государств мы пойдём по пути создания мира, в котором не будет места ядерной бомбе».

Между приславшими правильные ответы на задания, опубликованные в этом номере, будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 января 1987 года.

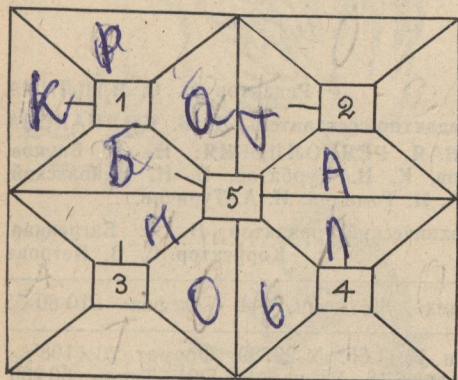
ГРАФИК

Разгадайте секрет головоломки и прочтите русскую пословицу (3 очка).

МИНИКРОССВОРД

Составила Галя Канунникова
(35-я школа)

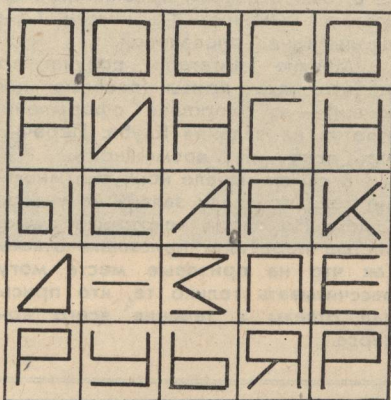
Слова в этом кроссворде читаются по направлению движения часовой стрелки, а начинаются в

клетке, отмеченной чёрточкой.
1. Морское животное. 2. Одежда древних римлян. 3. Дипломатический документ. 4. Парнокопытное животное. 5. Воинское подразделение (4 очка).

ХОДОМ КОРОЛЯ

Составил Андрей
Синельников
(121-я школа)

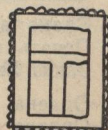
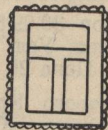

Ходом шахматного короля обойдите все клетки и прочтите название одного из маршрутов Всесоюзного марша юных ленинцев (3 очка).

МИКРОРЕБУС

По теме Олега Иванова
(342-я школа)

Прочтите название одной из величайших рек мира (2 очка).

1. 3. 2. 4.

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

[Ответы на «Искорку» № 9]

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

«Под солнцем Родины мы креп-
нем год от года». Строка из песни
«Партия — наш рулевой». (Музыка
В. Мурадели, слова С. Михалкова).

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Акт. 5. Жи-
раф. 6. Акаси. 7. Колли. 8. Абзац.
9. Кон. 11. Карта. 13. Жито. 14. Рота.
15. Сойка.

По вертикали: 1. Шиповник.
2. Африка. 3. Талант. 4. Эстафета.
10. Орфей. 11. Кокс. 12. Арфа.

А БЫЛ КВАДРАТ!

«Одна ласточка весны не делает».

КТО ПОБЕДИЛ!

Между читателями, приславши-
ми правильные ответы на все зада-
ния, опубликованные в «Искорке»
№ 8, был разыгран приз (книга). Он
достался ученице 4-а класса 126-й
школы Тане Головановой.

Многие читатели получают по-
ощрительные призы (весёлые кни-
жечки) — за хорошее оформление
ответов на задания Клуба. Перечис-
лить всех — нет возможности.

В самом начале конкурса многие
читатели прислали заявки на участие
в нём. Но затем некоторые смека-
листые перестали присылать ответы.
Так что на призовые места могут
рассчитывать только те, кто присы-
лал ответы в течение всего кон-
курса.

СОДЕРЖАНИЕ

Самое высокое дерево. Путевые заметки Радия Погодина . . .	1
Искорка советует: прочти эту книгу	6
«Трудись, душа, работай...» (К 70-летию М. А. Дудина). Вступительное слово Наталии Банк	7
Два стихотворения Михаила Ду- дина	8
Юность Петербурга. Продолже- ние очерка Наталии Глинки	10
«Фортуна». Глава из книги Ильи Миксона	16
История одного старинного путе- шествия. Очерк Галины Усо- вой	23
Три письма братишке из армии. Стихи Дмитрия Толстобы . . .	27
«Учитесь познавать и удивлять- ся» (Беседа с академиком И. А. Глебовым). Окончание	29
Узелок	33
Именем закона! Когда закон бес- силен. Рассказ Олега Дани- лова	34
Узелок	43
Рассказы Майи Борисовой . . .	44
Стихи Владимира Протасова . .	49
Еретик Жюффруа Валле. Гла- вы из романа Константина Курбатова	50
Контракт. Фантастический рас- сказ Бориса Никольского . . .	55
Искорка советует: прочти эту книгу	62
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рису-
нок «Праздничный салют» ученицы
Городской художественной школы
Любы Скобелевой

На 4-й странице обложки ри-
сунки Ю. Бочкарева к «Коллочкам»

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков,
Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский,
В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая.
Корректор С. В. Петрова

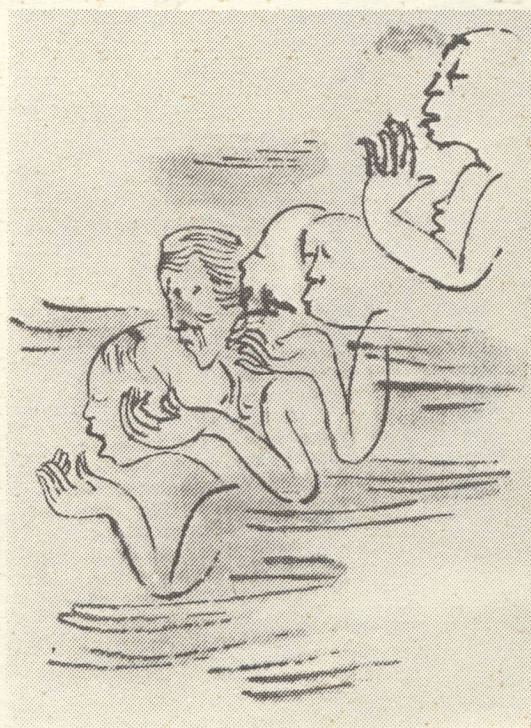
Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 210-80-55

Сдано в набор 30.09.86. Подписано к печати 18.11.86. М-29789. Формат 70×108¹/₁₆.
Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,91. Тираж 60 000.
Заказ № 583. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

ПРОЧТИ
ЭТУ
КНИГУ

Рисунки японской художницы Тоси Маруки из книги Такэми Ито "6 августа 1945 года"

ЧТО ВАЖНЕЕ?

— ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ВЫУЧИЛ УРОКИ?

— Я учил ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ. ВЕДЬ ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОТВЕТИТЬ УРОКИ В ШКОЛЕ, НАДО ДО НЕЁ ДОБРАТЬСЯ.

ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

— ПОЧЕМУ ТЫ ОПАЗДЫВАЕШЬ В ШКОЛУ?

— ИЗ-ЗА ТРАНСПОРТА.

— НА КАКОМ ТРАНСПОРТЕ ТЫ ЕЗДИШЬ?

— НА КАРУСЕЛИ.

КУДА СМОТРЕТЬ?

— КУДА НАДО ПОСМОТРЕТЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕХОДИТЬ УЛИЦУ?

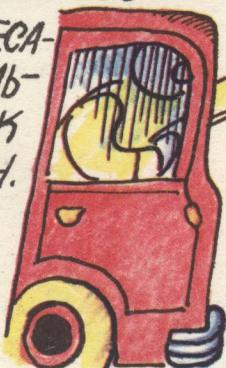
— ВОКРУГ — ЕСТЬ ЛИ МИЛИЦИОНЕРА.

НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ МАЛЬЧИК

ОЧЕНЬ НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ МАЛЬЧИК ВАСЯ ГИЕЛКИН.

ВО ВСЁМ-ТО ОН НАДЕЕТСЯ НА ПОМОЩЬ. ДАЖЕ ПЕРЕ-

БЕГАЯ ДОРОГУ ПЕРЕД НОСОМ АВТОМОБИЛЯ, РАССЧИТЫВАЕТ, В СЛУЧАЕ ЧЕГО, НА «СКОРУЮ ПОМОЩЬ»!

ИНТЕРЕСНАЯ МЕЧТА

ЮНЫЙ ПОМОЩНИК ГАИ МЕЧТАЕТ: «ПОСКОРЕЕ БЫ ВЫЙТИ НА БОЛЬШУЮ ДОРОГУ!»

